Digitized by Google

VE
RI
TAS

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

ЧАСТЬ XXXVI.

1 8 2 9.

ОКТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1829.

н і я

ннаго при Санкт

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

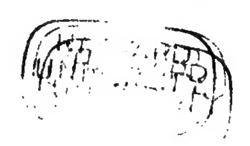
ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Наздани на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу.
Ефес. 2, 20.

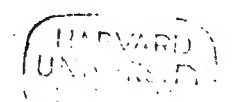
ЧАСТЬ XXXVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательнаго Дома.
1829 года.



Съ дозволенія

Цензурнаго Комитета, учрежденнаго при Санктпетербургской Духовной Академіи.



I.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО АНТОНІЯ ВЕЛИКАГО

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ КЪ МОНАХАМЪ

О томъ, что Духъ Святый вселяется въ душу человѣческую тогда, какъ она достойнымъ образомъ уготовитъ себя въ храмъ Божій, и что сильнымъ искушеніямъ подвергаются только тѣ люди, которые утвердились въ добродѣтели.

Дѣти мои, вы должны знать, что отъ Святаго Духа всегда истекаетъ пріятнѣйшее и сладостнѣйшее благоуханіе, котораго не льзя изъяснить словами. Никто не знаетъ сей сладости Духа, кромѣ тѣхъ людей, которые удостоиваются, чтобы Онъ обиталъ въ нихъ. Многіе не удостоиваются сего, потому что въ душахъ ихъ нѣтъ еще духа покаянія. Сей духъ вселяется въ душу человѣческую послѣ долговременныхъ трудовъ ея. Когда онъ вселится въ нее: то передаетъ ее Духу Святому, чтобы Онъ вселился въ нее. Мы видимъ, дѣти мои, что и въ мірѣ семъ для полученія многихъ

вещей потребенъ трудъ. Такъ жемчугъ достается съ великимъ трудомъ. Посему-то его нѣтъ у жителей деревенскихъ, и рѣдко можно видѣть у жителей городскихъ. Онъ находится почти только въ царскихъ палатахъ. Такъ и Духъ Святый не обитаетъ въ душахъ гордыхъ, но въ душахъ смиренныхъ, которыхъ всѣ мысли стремятся къ совершенству. Когда же вселяется въ нихъ Духъ Святый: то онѣ приносятъ Богу благодарность и прославляютъ Его, что Онъ благоволилъ послать къ нимъ Духа Святаго, чтобы Онъ обиталъ въ нихъ; благодарятъ Его, какъ благодарили и прославляли за сіе Бога всѣ Святые. Они говорили: благословляемъ Тебя, Господи, что Ты просвѣтилъ насъ Духомъ своимъ. Благословенъ Ты, Господи, что далъ Святымъ своимъ честь, которая превосходнѣе всѣхъ богатствъ: ибо мы не можемъ понять, сколь велико богатство Духа Твоего, котораго Ты далъ Святымъ своимъ. Поелику Святые искали сего Духа, дѣти мои; то и нашли Его. Онъ есть тотъ драгоцѣнный камень, о которомъ упоминаетъ Евангеліе. Одинъ купецъ, говорится въ Евангеліи, искалъ хорошаго жемчуга, и найдя одну драгоцѣнную жем-

чужину, пошелъ, продалъ все, что имѣлъ и купилъ оную. (Матѳ. 13, 45. 46.) Въ Евангеліи написано также, что на одномъ полѣ сокрыто было сокровище: но нѣкоторый человѣкъ, найдя оное, утаилъ, и отъ радости о немъ пошелъ, продалъ все, что имѣлъ, и купилъ поле то. Такъ и святые люди всѣхъ временъ, возлюбленные дѣти мои, искали и находили Святаго Духа; Онъ вселялся въ нихъ, и они приносили Богу благодареніе о семъ. Духъ Святый вселяется только въ блаженныя души, открываетъ имъ великія тайны, даетъ имъ радость и покой въ семъ мірѣ, и дѣлаетъ для нихъ ночь, какъ день.

Показавши вамъ, дѣти мои, нѣкоторыя дѣйствія Святаго Духа, я хочу показать вамъ и нѣкоторыя искушенія, проистекающія отъ злаго духа. Простившись съ вами, и удалившись отъ васъ, я, при помощи Божіей, достигъ своего жилища и остался въ своемъ уединеніи, чтобы быть совершенно свободнымъ отъ мірскихъ безпокойствъ. Я только желалъ, чтобы вы всегда были при мнѣ, дабы я могъ открывать вамъ все, что всегда открываетъ мнѣ Духъ Святый, также разсказать вамъ о тѣхъ искушеніяхъ, которыя претерпѣлъ я по разлученіи съ ва-

ми. Опаснымъ и сильнымъ искушенiямъ подвергаются только тѣ люди, которые получили Святаго Духа. Дiаволъ искушаетъ ихъ только тогда, когда попущаетъ ему то самъ Духъ. Если же Святый Духъ не попущаетъ ему: то онъ не можетъ никого искушать. Господь нашъ, будучи во плоти, былъ образцемъ для насъ во всемъ. Онъ всегда училъ насъ истинѣ. Во время Его крещенiя Святый Духъ сошелъ на Него въ видѣ голубя: потомъ сей Духъ побудилъ Его итти въ пустыню, чтобы тамъ подвергнуть Его искушенiю отъ дiавола. Дiаволъ искушалъ Его различнымъ образомъ; но не могъ побѣдить Его, какъ говорится о семъ въ Евангелiи Луки: *И скончавъ все искушенiе дiаволъ, отыде отъ Него до времене.* (Лук. 4, 13.) Тогда Господь Iисусъ, будучи побуждаемъ Духомъ, возвратился въ Галилею. Духъ Святый укрѣпляетъ тѣхъ, которые приняли Его въ себя, противятся силѣ грѣха, и преодолѣваютъ искушенiя. Онъ даетъ имъ силу, возвышаетъ ихъ и предохраняетъ отъ всякаго зла.

Возлюбленные дѣти мои, я желалъ бы, чтобы вы были при мнѣ, чтобы я могъ разсказать вамъ объ искушенiи, которое недавно случилось со мною, и которое по-

добно тому последнему искушенію Господа нашего Іисуса Христа, когда Онъ въ молитвѣ къ Отцу своему говорилъ: *Отче Мой, аще возможно есть, да мимоидетъ отъ Мене чаша сія: обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты.* (Матѳ. 26, 39.) Сію молитву приносилъ Онъ Богу не потому, чтобы боялся мученій, или чтобы не надѣялся перенести ихъ, но потому что своимъ примѣромъ хотѣлъ научить насъ преданности въ волю Божію, такъ какъ Онъ училъ насъ смиренію своими первыми искушеніями: ибо Онъ сошелъ съ неба, не оставляя онаго, вселился между нами на землѣ и уподобился намъ, чтобы искупить насъ своимъ смиреніемъ и жизнію своею. Онъ умеръ за насъ, былъ погребенъ, воскресъ, освободилъ плѣнниковъ ада, и вознесся на высоту неба, гдѣ Онъ прежде былъ. И такъ вы видите, дѣти мои, сколько возлюбилъ насъ Богъ — Слово. Онъ вывелъ насъ изъ ада и возвелъ на высоту неба. Высшее небо отлично отъ низшаго и видимаго неба, и видимое небо отлично отъ воздушнаго неба. Сіе послѣднее есть вѣтръ, который по причинѣ легкости своей носится надъ землею. Воздухъ отличенъ отъ сей грубой земли, на которой мы теперь живемъ, и

которую должны скоро оставить. Вы должны также знать, что дѣйствія происходящія на небѣ отличны отъ дѣйствій, происходящихъ на землѣ, и что есть еще область, которая ниже нашей земли. Сія область мрачна; въ ней нѣтъ никакого свѣта и красоты; она называется адомъ.

Искушеніе, дѣти мои, которое недавно со мною случилось, едва не свело меня во адъ. Враги всякаго добра хотѣли свергнуть меня туда своею хитростію. По сей причинѣ я долженъ былъ перенести многіе труды, подвиги, безпокойства и бѣдствія. Но благодарю и прославляю Бога моего, которому я съ отрочества моего донынѣ служу всѣмъ сердцемъ, и всегда повинуюсь; Онъ не оставилъ меня, но оказалъ мнѣ помощь свою, освободилъ меня отъ мрака враговъ, и возвелъ меня на прежнюю высоту мою, такъ какъ Онъ искупилъ Адама и сыновъ его, и возвратилъ ихъ въ прежнее состояніе ихъ, какъ говорится о семъ въ Писаніи: *Возшелъ на высоту, плѣнилъ плѣнъ и даде даянія человѣкомъ.* (Псал. 67, 19.) Сверхъ сего сказываю вамъ, что мое послѣднее искушеніе подобно было послѣднему искушенію Іосифа. Блаженный и праведный Іосифъ не ослабѣвалъ при мно-

жестпвѣ искушеній, которыми искушаемъ былъ: только когда онъ заключенъ былъ въ темницу, которая есть подобіе ада, сіе послѣднее искушеніе могло ослабить терпѣніе его. Господь нашъ видя, что его искушеніе и терпѣніе велико, даровалъ ему, по милосердію своему, великую славу, сдѣлалъ его царемъ, и освободилъ его отъ всѣхъ искушеній. И я, дѣти мои, не сокрою отъ васъ, что искушеніе мое было велико: но Господь освободилъ меня отъ онаго. Я увѣренъ, что ваши молитвы и воспоминаніе о мнѣ содѣйствовали мнѣ въ перенесеніи моего искушенія. Вы много перенесли трудовъ со мною. Господь дастъ вамъ за сіе духъ спасенія, какъ далъ Онъ мнѣ слабому. Онъ сказалъ нѣкогда ученикамъ своимъ: *Вы пребысте со Мною въ напастехъ Моихъ: и Азъ завѣщаваю вамъ, якоже завѣща Мнѣ Отецъ Мой, царство, да ясте и піете на трапезѣ Моей во царствіи Моемъ.* (Лук. 22, 28 — 30.) Дѣти мои, обратите вниманіе на слова сіи. Кто съ покорностію участвуетъ въ страданіяхъ Господа Христа, тотъ будетъ участвовать и въ покоѣ Его. Кто участвуетъ Ему въ презрѣніи, тотъ будетъ участвовать Ему и въ славѣ. Кто терпитъ труды, поноше-

ніе, обиды и презрѣніе, тотъ прославится. Добрый сынъ, дѣлаясь наслѣдникомъ трудовъ родителей своихъ, дѣлается вмѣстѣ наслѣдникомъ и благословенія ихъ, а худой сынъ получаетъ отъ родителей своихъ проклятіе.

Возлюбленные дѣти мои, когда я писалъ письмо сіе: то Духъ побудилъ меня написать вамъ нѣчто о тѣхъ Серафимахъ, которыхъ видѣлъ Пророкъ Іезекіилъ. (Гл. 1.) Они изображаютъ души, вѣрныя Богу, которыя стремятся достигнуть совершенства. Каждый Серафимъ имѣлъ шесть крылъ, въ которыхъ находилось много глазъ; каждый имѣлъ четыре лица, обращенныя въ четыре стороны. Одно лице подобно было лицу человѣка, другое лицу вола, третье лицу льва и четвертое лицу орла. Пророкъ упоминаетъ и о другихъ принадлежностяхъ Серафимовъ, которыя излагать вамъ время не позволяетъ мнѣ. Теперь я только кратко изъясню вамъ значеніе лицъ Серафима; когда же при помощи Христа приду къ вамъ: то устно объясню вамъ и прочее, о чемъ теперь писать не могу. И такъ знайте: первое лице Серафима, то есть, лице человѣческое означаетъ тѣхъ вѣрующихъ, которые находясь въ мірѣ стараю-

ся исполнять свои обязанности. Если же кто изъ живущихъ въ мірѣ вступаетъ въ монашеское состояніе, тотъ уподобляется волу, потому что долженъ исполнять обязанности монашескаго званія, долженъ трудиться и переносить тѣлесные подвиги. Но если кто исполнитъ всѣ обязанности монашескаго общежитія, и удалится въ пустыню, чтобы тамъ побѣждать невидимыхъ враговъ: тотъ уподобится льву, который есть царь полевыхъ звѣрей. Когда же побѣдитъ и невидимыхъ враговъ и свои страсти, и совершенно покоритъ ихъ своей власти: то будетъ возноситься Духомъ Святымъ на высоту совершенства, удостоится имѣть Божественныя видѣнія, и уподобится орлу, такъ что на немъ будутъ исполняться слова Писанія: *Обновится юность твоя, яко орля.* (Псал. 102, 5.) Тогда умъ сего человѣка будетъ имѣть какъ бы шесть крыльевъ, въ которыхъ находится много глазъ, и будетъ разсматривать предметы съ шести сторонъ. Человѣкъ сдѣлается духовнымъ Серафимомъ, и наслѣдуетъ вѣчное наслѣдіе, потому что повиновался духовнымъ отцамъ своимъ.

Дѣти мои, я знаю, что всѣ мы, живущіе въ пустынѣ, получили духовную силу отъ

Бога, потому что повиновались отцамъ своимъ, и получили благословеніе ихъ. И вы за повиновеніе и служеніе отцамъ своимъ получите духовную силу отъ Бога, и наслѣдуете благословеніе отцевъ своихъ. Я всегда воспоминаю объ васъ, и вижу васъ духомъ моимъ, какъ чадолюбивая мать всегда воспоминаетъ о малыхъ дѣтяхъ своихъ, и всегда желаетъ имѣть ихъ при себѣ. Богъ часто хотѣлъ успокоить меня отъ трудовъ тѣла моего и взять душу мою къ себѣ: но оставилъ духъ мой въ тѣлѣ моемъ, чтобы я воспитывалъ васъ, и чтобы въ васъ вселился Духъ Господень. Богъ сказалъ мнѣ: ты чадолюбивая мать и попечительная кормилица: посему Я и сохраняю жизнь твою, чтобы ты воспитывалъ дѣтей своихъ. Дѣти мои, благословенные новымъ благословеніемъ, я посылаю къ вамъ письмо сіе и вмѣстѣ благословеніе мое. Сохраняйте письмо сіе: оно есть истинное наслѣдіе, которое вы можете получать отъ отцевъ духовныхъ. Они не оставляютъ дѣтямъ своимъ въ наслѣдство ни золота, ни серебра, или чего нибудь подобнаго сему: но оставляютъ истинное наслѣдство. Золото и серебро и подобныя вещи оставляютъ дѣтямъ своимъ въ на-

слѣдство только родители плотскіе. Посмотрите на Патріарховъ: они богаты были и золотомъ, и серебромъ, и другимъ имѣніемъ: но никогда не напоминали своимъ дѣтямъ о семъ богатствѣ, потому что оно временно и случайно. Они оставляли имъ въ наслѣдство благословеніе свое, которое продолжается вѣчно, пріуготовляетъ человѣку небесный покой, и вѣчно остается при человѣкѣ. Знайте, что благословеніе, которое даетъ вамъ отецъ вашъ, имѣетъ такую же силу, какую и благословеніе Патріарховъ. Я молю Господа нашего, чтобы Онъ далъ вамъ спасеніе въ Богѣ и ниспослалъ вамъ Духа истины, который бы руководилъ васъ, доколѣ вы не переселитесь изъ сего скоропреходящаго міра, и молитвами всѣхъ отцевъ нашихъ не получите въ наслѣдіе міръ вѣчный. Пресвятой Троицѣ, владычицѣ вѣковъ, должна быть вѣчно приносима честь и слава. Аминь.

II.

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО МАКАРІЯ ВЕЛИКАГО

БЕСѢДА

О свойствѣ молитвы, и о престолахъ и вѣнцахъ.

Приступающіе ко Господу должны приносить Ему молитвы въ великомъ спокойствіи, мирѣ и тишинѣ; не должны употреблять непристойныхъ воплей, но, съ напряженіемъ сердца и трезвыми мыслями должны внимать Господу. Какъ иной больной, у котораго врачи прижигаютъ и перевязываютъ раны, весьма мужественно и терпѣливо переноситъ причиняемую ему боль, безъ смущенія и безпокойства: а другіе, имѣя ту же болѣзнь, поднимаютъ непристойные вопли, когда имъ дѣлаютъ такія же прижиганія: но одинаковую чувствуютъ боль, какъ тотъ, кто кричитъ и смущается, такъ и тотъ, кто не кричитъ и не смущается. Равнымъ образомъ и здѣсь; иные, имѣя скорбь и болѣзнь, переносятъ оныя спокойно, удерживая умъ

свой отъ мыслей, его смущающихъ; другіе, имѣя таковую же скорбь, переносятъ ее съ нетерпѣніемъ, и молятся съ безпокойствомъ и смущеніемъ, къ соблазну слушающихъ; нѣкоторые и не чувствуютъ скорби, но увлекаясь тщеславіемъ или привычкою, возносятъ безчинные вопли, думая тѣмъ угодить Богу.

Но рабъ Божій не долженъ быть столько безпокоенъ, а сколько можно, кротокъ и благоразуменъ, какъ говоритъ Пророкъ: *На кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словесъ моихъ?* (Исаіи 66, 2.) Мы находимъ, что во всѣхъ видѣніяхъ, случавшихся при Моисеѣ и Иліи, когда величію Божію предшествовало множество трубъ и силъ служебныхъ, самое присутствіе Господа усматриваемо было и открывалось имъ въ мирѣ, безмолвіи и тишинѣ. *Се бо*, говоритъ Писаніе, *гласъ хлада тонка, и тамо Господь.* (3 Цар. 19, 12.) Изъ сего видно, что покой Господа въ мирѣ и тишинѣ. Ибо, какое основаніе и начало человѣкъ полагаетъ, то самое остается въ немъ до самаго конца. Если онъ начинаетъ совершать молитву съ воплемъ и смущеніемъ; то въ семъ состояніи пребудетъ онъ до самаго

конца. Но поелику Господь человѣколюбивъ, то иногда и таковому человѣку посылаетъ свою помощь. Почему люди сего рода, по содѣйствію благодати, до самаго конца уже удерживаютъ сіе состояніе; однакожъ мы видимъ, что это есть удѣлъ неопытныхъ; поелику они чрезъ сіе и другихъ соблазняютъ, и сами молятся въ смущеніи.

Истинное основаніе молитвы состоитъ въ томъ, чтобы вникать въ мысли, и молиться въ великомъ спокойствіи и мирѣ, чтобы не подать другимъ соблазна; ибо таковый человѣкъ, достигнувъ благодати Божіей и совершенства, если до самаго конца будетъ молиться въ спокойствіи, то бóльшему числу людей послужитъ назиданіемъ. *Нѣсть бо нестроенія Богъ, но мира.* (1 Кор. 14, 13.) Тѣ, кои поднимаютъ вопли, подобны повелителямъ; они не могутъ молиться во всякомъ мѣстѣ — ни въ церквахъ, ни въ селахъ, а развѣ только по своему произволу въ пустыняхъ. Но тѣ, кои молятся въ тишинѣ, назидаютъ всѣхъ и во всякомъ мѣстѣ. Итакъ долженъ человѣкъ весь подвигъ свой совершать мысленно, отсѣкать окружающее его вещество злыхъ помысловъ, устремлять себя къ Богу, не исполнять воли помысловъ, но,

собирая ихъ изъ разсѣянія отвсюду, различать естественные отъ порочныхъ. Ибо душа порабощенная грѣху, походитъ на обширный лѣсъ, или на рѣчный тростникъ, или на нѣкоторую густоту терновыхъ кустарниковъ. Почему, кто хочетъ переходить сіи мѣста, долженъ распростирать руки, и съ усиліемъ и трудомъ отдалять окружающую его чащу. Такъ и душа окружается множествомъ помысловъ, произходящихъ отъ вражіей силы. Посему большое потребно стараніе и внимательность, чтобы различить сіи посторонніе помыслы, пораждаемые враждебною силою.

Ибо иной, полагаясь на собственныя силы, мнитъ самъ собою разрушить окружающія его горы; а другой съ спокойствіемъ и разсудительностію управляетъ умомъ своимъ, и безъ труда успѣшнѣе его совершаетъ свое дѣло. Такъ бываетъ и въ молитвахъ: иные возносятъ непристойные вопли, поелику полагаются на тѣлесныя силы и не знаютъ коварства помысловъ, но думаютъ собственною силою сдѣлать совершенное дѣло; а другіе вникаютъ въ свои мысли и весь подвигъ совершаютъ внутренно. Таковые, руководствуясь своею совѣстію и разсудкомъ, могутъ правильно

совершать свое дѣло, удалять возстающіе помыслы и поступать по волѣ Господа. Находимъ и у Апостола, что онъ бо́льшимъ называетъ того, кто назидаетъ другаго; ибо онъ говоритъ: *Глаголяй языки, себе зиждетъ, а пророчествуяй церковь зиждетъ; болій бо пророчествуяй, нежели глаголяй языки.* (1 Кор. 14, 3. 4.) Посему пусть всякъ избираетъ для себя назиданіе другихъ, и удостоится небеснаго царства.

Вопросъ. Поелику нѣкоторые говорятъ, что *престолы* и *вѣнцы* суть вещественны, а не духовны; то какъ мы сіе должны разумѣть?

Отвѣтъ. Престолъ Божества есть умъ нашъ; и обратно престолъ ума есть Божество и духъ. Равнымъ образомъ и сатана, власти и начала тьмы, со времени преступленія заповѣди возсѣли, въ Адамовомъ сердцѣ, умѣ и тѣлѣ, какъ на собственномъ престолѣ. Для сего — то, въ послѣдствіи, пришелъ Господь и воспріялъ отъ Дѣвы тѣло: ибо если бы Онъ восхотѣлъ сойти однимъ только Божествомъ; то кто могъ бы снести? Почему Господь посредствомъ орудія тѣла бесѣдовалъ съ людьми, и такимъ образомъ духовъ злобы, гнѣздящихся въ тѣлѣ, низвергнувъ съ престоловъ ума и

мыслей, которыми они обладали, очистилъ совѣсть и содѣлалъ себѣ престоломъ и умъ, и мысли, и тѣло.

Вопросъ. Что же означаютъ слова: *Сядете на двоюнадесяте престолу, судяще обѣманадесяте колѣнома Израилевома?*

Отвѣтъ. Мы находимъ, что сіе исполнилось на землѣ, когда Господь вознесся на небо: ибо Онъ послалъ двенадцати Апостоламъ Духа Утѣшителя и святую силу, которая низшедши, пріосѣнила ихъ и возсѣла на престолахъ умовъ ихъ. Но поелику предстоящіе говорили, что они виномъ исполнены: то Петръ началъ судить ихъ, говоря о Іисусѣ: вы Іисуса, мужа сильнаго словомъ и чудесами, распяли, повѣсивъ Его на древѣ. И вотъ Онъ и на немъ творитъ чудеса, сокрушаетъ надгробные камни и воскрешаетъ мертвыхъ; ибо въ Писаніи сказано: *Въ послѣднія дни излію отъ Духа Моего на всяку плоть, и прорекутъ сынове ваши и дщери ваша.* (Дѣян. 2, 17.) Почему многіе вразумленные Петромъ пришли въ покаяніе, и такимъ образомъ содѣлался новый Богомъ избранный міръ.

Видишь ли, какъ открылось начало суда? ибо тогда еще явился новый міръ, и еще здѣсь дана имъ власть возсѣсть и

судить въ ономъ. И хотя пріидетъ время, что они будутъ сидѣть и производить судъ при явленіи Господа въ воскресеніе мертвыхъ: но и здѣсь сіе произошло, когда Духъ Святый возсѣлъ на престолахъ умовъ ихъ. Также и діадимы, которыя Христіане имѣютъ получить въ будущемъ вѣкѣ, не суть вещественны; и кто говоритъ, что онѣ вещественны, тотъ неправду говоритъ: но ими означаются различные духовные образы. Ибо что говоритъ Апостолъ Павелъ о небесномъ Іерусалимѣ? То, что *онъ есть мати всѣмъ намъ.* (Гал. 4, 26.) Что же касается до одежды, которую носятъ Христіане, то конечно Духъ самъ облекаетъ ихъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа во вѣки. Аминь.

III.

ПРЕПОДОБНАГО АВВЫ ДОРОѲЕЯ

УЧЕНІЕ

О обвиненіи самихъ себя.

Изслѣдуемъ, братія, почему иногда, если кто услышитъ оскорбительное слово, принимаетъ его спокойно, такъ какъ бы почти не слышалъ его; а иногда, какъ скоро услышитъ, тотчасъ возмущается. Какая причина таковаго различія? И одну ли это имѣетъ причину, или многія? Я вижу, что это имѣетъ многія причины; но есть одна, которая раждаетъ, такъ сказать, всѣ прочія. Какимъ образомъ, я скажу вамъ. Во первыхъ случается, что иной послѣ молитвы, или послѣ благаго сидѣнія находится, можно сказать, въ добромъ расположеніи, и потому благодушно переноситъ оскорбленія отъ брата своего. Также случается, что иной имѣетъ любовь къ кому нибудь, и потому безъ огорченія переноситъ причиняемыя ему отъ него оскорбленія. Бываетъ еще и то, что иной презираетъ того, кто хочетъ его оскорбить; почитаетъ за ничто обиды его, и даже не

обращаетъ вниманія на него, какъ на человѣка, и не отвѣчаетъ на его слова ни одного слова. Я разскажу вамъ одинъ примѣръ, которому вы удивитесь. Въ Киновіи, прежде нежели я вышелъ оттуда, былъ одинъ братъ; я не видалъ, чтобы онъ когда нибудь раздражался, или огорчался на кого нибудь. Хотя замѣчалъ я, что многіе изъ братій различнымъ образомъ его обижали и раздражали: но оный юноша сносилъ оскорбленія отъ каждаго изъ нихъ такъ, какъ будто никто нисколько не причинялъ ему оныхъ. Я всегда удивлялся чрезвычайному его незлобію, и весьма желалъ знать, какъ онъ снискалъ сію добродѣтель. Однажды встрѣчаюсь съ нимъ наединѣ, кланяюсь ему и прошу его открыть мнѣ, какую онъ всегда имѣетъ мысль въ своемъ сердцѣ, что подвергаясь обидамъ, или терпя отъ кого либо какое бы ни было оскорбленіе, толикое показываетъ великодушіе? Онъ отвѣчаетъ съ обыкновенною себѣ надменностію и говоритъ мнѣ: „стану я обращать вниманіе на сихъ негодяевъ, или принимать обиды отъ нихъ, какъ отъ людей! они красивые псы.“ Услышавъ сіе, я склонилъ къ землѣ слухъ свой, и сказалъ самъ въ себѣ: вотъ какой путь обрѣлъ братъ

сей! и перекрестившись, я удалился отъ него, творя молитву, чтобы Богъ сохранилъ и меня и его.

И такъ случается, какъ я сказалъ, что иной не огорчается и изъ презрѣнія: но это явная погибель. Съ другой стороны если кто огорчается на брата, оскорбляющаго его; то сіе происходитъ или отъ того, что онъ въ сіе время находится не въ хорошемъ состояніи духа, или отъ того, что питаетъ неразположенность къ брату. Есть много тому и другихъ причинъ, изъ коихъ о каждой уже сказано; но главная причина всякаго огорченія, если разсмотримъ внимательно, та, что мы не обвиняемъ самихъ себя. Отсюда происходитъ всякое таковое неудовольствіе; отсюда проистекаетъ то, что мы никогда не обрѣтаемъ спокойствія. И не удивительно: ибо мы слышимъ отъ всѣхъ Святыхъ, что нѣтъ другаго пути къ спокойствію кромѣ сего, — видимъ, что никто, идя другимъ путемъ, не обрѣлъ онаго, и однакожъ сами надѣемся получить сіе спокойствіе, или, по крайней мѣрѣ, думаемъ находиться на прямомъ пути къ оному, тогда какъ ни мало не хотимъ обвинять самихъ себя. Подлинно, хотя бы человѣкъ

сдѣлалъ безчисленное множество добрыхъ дѣлъ, но если онъ не будетъ держаться сего пути, то не престанно будетъ оскорблять другихъ и самъ терпѣть оскорбленія, и погубитъ всѣ труды свои. Напротивъ, какую радость, какое спокойствіе, куда бы ни пошелъ, какъ говорилъ и Авва Пименъ, будетъ ощущать тотъ, кто будетъ обвинять самаго себя? Какой бы ни случился для него вредъ, или безчестіе, или какое бы ни было огорченіе, — онъ уже напередъ почитаетъ себя достойнымъ всего сего, и никогда не возмущается. Кто можетъ быть его спокойнѣе?

Но скажетъ кто либо: если братъ оскорбилъ меня, и я, по испытаніи себя, найду, что я не далъ ему ни малѣйшаго къ сему повода, то какъ могу обвинять самаго себя? — Нѣтъ, ежели кто со страхомъ Божіимъ будетъ испытывать себя, тотъ найдетъ, что непремѣнно самъ подалъ поводъ къ оскорбленію или дѣломъ, или словомъ, или видомъ. А если и увидитъ, какъ говоритъ, что въ настоящее время точно никакой не подалъ ему къ тому причины, то можетъ быть въ другое время оскорбилъ его такимъ же или другимъ дѣломъ, или можетъ быть оскорбилъ другаго брата, и

за то долженъ потерпѣть, или часто и за другой какой либо грѣхъ. И такъ ежели кто, какъ я сказалъ, со страхомъ Божіимъ испытаетъ себя и со вниманіемъ разсмотритъ свою совѣсть, то непремѣнно себя самаго найдетъ виновнымъ.

Также, иному кажется, что онъ самъ по себѣ сидитъ въ мирѣ и спокойствіи, — но когда братъ скажетъ ему оскорбительное слово, то онъ возмущается, и потому почитаетъ себя въ правѣ негодовать на него, и говоритъ: если бы онъ не пришелъ, и словами своими не огорчилъ меня, то я не согрѣшилъ бы. Вотъ смѣшное и безразсудное сужденіе! Сказавшій ему слово не вложилъ въ него страсти, но гнѣздившуюся уже въ немъ показалъ ему самому, чтобы онъ, если хочетъ, раскаялся о ней. Таковый подобенъ чистой пшеницѣ, извнѣ красивой, но внутри согнившей, которую когда кто разломитъ, тогда открывается гнилость ея. Точно также и оный сидѣлъ, какъ ему казалось, въ мирѣ, но страсть гнѣздилась внутри его, и онъ не зналъ. Братъ его сказалъ ему одно слово, и сія гнилость, таившаяся внутрь, открылась. Итакъ, ежели онъ хочетъ быть помилованнымъ, то долженъ покаяться,

очиститься и преуспѣвать въ добрѣ. Очевидно, что онъ долженъ еще благодарить брата, который доставилъ ему такую пользу. Ибо искушенія не будутъ уже обременять его какъ прежде; но чѣмъ болѣе онъ будетъ преуспѣвать, тѣмъ онѣ будутъ для него легче; потому что душа по мѣрѣ преспѣянія дѣлается крѣпкою, и пріобрѣтаетъ силу переносить всякую тягость. Какъ крѣпкое животное несетъ съ отдохновеніемъ и великую, возложенную на него тяжесть; — ежели случится ему и претknуться, тотчасъ встаетъ и почти не чувствуетъ, что претknулось; напротивъ если животное слабо, то и малая тяжесть обременяетъ его, а если упадетъ, то потребна великая помощь, чтобы поднять его: такъ и душа предавшаяся грѣху изнемогаетъ, такъ что и малая тягость обременяетъ ее; ибо грѣхъ разслабляетъ и приводитъ въ изнеможеніе того, кто ему предается; напротивъ когда человѣкъ преуспѣваетъ въ добрѣ, то по мѣрѣ преуспѣянія дѣлается для него легчайшимъ то, что прежде обременяло его. И такъ когда мы за все, что ни случилось бы съ нами, обвиняемъ самихъ себя, а не другихъ; то симъ мы весьма много себѣ

благодѣтельствуемъ, достигаемъ великаго спокойствія и успѣховъ.

И тѣмъ болѣе мы должны обвинять самихъ себя, что ничего не бываетъ съ нами безъ Промысла Божія. — Можетъ быть кто либо скажетъ: какъ могу я не огорчаться, когда имѣю нужду въ какой либо вещи, и не получаю оной, а имѣю нужду въ ней крайнюю. Но и сей не имѣетъ права обвинять кого либо, или огорчаться на кого. Если онъ и дѣйствительно, какъ говоритъ, имѣетъ нужду въ какой либо вещи, и ее не получаетъ; то долженъ говорить: Христосъ знаетъ болѣе меня, должна ли быть удовлетворена моя нужда, и Онъ самъ будетъ для меня вмѣсто такой-то вещи, вмѣсто такой-то пищи. Сыны Израилевы ѣли манну въ пустынѣ сорокъ лѣтъ; одинъ былъ видъ сей манны, но каждый находилъ въ ней то, въ чемъ имѣлъ нужду. Кто имѣлъ нужду въ соленомъ, находилъ соленое; кто имѣлъ нужду въ сладкомъ, находилъ сладкое; вообще каждый находилъ въ ней то, что было угодно для его вкуса. Такъ и тотъ, кто требуетъ яйца, но получаетъ только овощи, долженъ сказать въ умѣ своемъ: если бы яйцо полезно было для меня; то Богъ, конечно,

ниспослалъ бы мнѣ его; но впрочемъ Онъ и сіи овощи можетъ обратить мнѣ въ яйцо, — и долженъ вѣрить, что Богъ дѣлаетъ сіе въ наставленіе его. Ибо кто истинно достоинъ наслаждаться благами, то Богъ и Сарацинскому сердцу внушитъ сотворить милость съ нимъ, смотря по его нуждѣ; если же человѣкъ недостоинъ сего, или сіе будетъ ему безполезно, то хотя бы сотворены были новое небо и новая земля, онъ не получитъ удовлетворенія. Подлинно иногда человѣкъ наслаждается благами сверхъ нужды, а иногда не обрѣтаетъ и нужнаго. Поелику Богъ, по милосердію своему, каждому подаетъ нужное: то, ежели Онъ ниспосылаетъ человѣку сверхъ нужды, симъ являетъ чрезмѣрное къ нему свое человѣколюбіе, и научаетъ его благодарности; но ежели не подаетъ ему и нужнаго, то чрезъ сіе даетъ ему разумѣть важность той вещи, въ которой имѣетъ нужду, и научаетъ его терпѣнію.

И такъ во всякомъ случаѣ мы должны взирать горѣ; добро ли получимъ отъ кого, или зло потерпимъ, должны взирать горѣ, и что бы ни случилось съ нами, за все благодарить, обвиняя всегда самихъ се-

бя, и говоря, какъ говорили отцы: наше благополучіе есть дѣло Божественнаго Промысла, а злополучіе есть слѣдствіе нашихъ грѣховъ. Поистинѣ, какое бы мы ни терпѣли несчастіе, мы претерпѣваемъ оное за свои грѣхи. Правда страждутъ и Святые, но они страждутъ за имя Божіе, или для того, чтобы открылась ихъ добродѣтель для пользы многихъ, или для того, чтобы увеличилась награда ихъ отъ Бога. Но можемъ ли мы несчастные сказать сіе о себѣ? Каждодневно согрѣшая и защищая свои страсти, мы оставили прямый путь отцевъ нашихъ, путь самоосужденія, и идемъ путемъ превратнымъ, — путемъ обвиненія ближнихъ. Каждый изъ насъ старается вину всякаго дѣла свергнуть на ближняго, всю тяжесть сложить на него; каждый изъ насъ пребываетъ въ нерадѣніи и не исполняетъ ни одной заповѣди, а отъ ближняго требуетъ исполненія всѣхъ.

Однажды пришли ко мнѣ два брата огорченные другъ на друга. Старшій говорилъ о младшемъ: я приказываю ему что либо, и онъ огорчается, то огорчаюсь и я, думая: „еслибы онъ имѣлъ ко мнѣ довѣренность и любовь, то съ охотою принималъ бы мои приказанія.“ Младшій съ своей сто-

роны говорилъ: „прости мнѣ, отче! онѣ конечно говоритъ мнѣ не со страхомъ Божіимъ, но какъ будто хочетъ повелѣвать мною, и я думаю, что сердце мое, отъ того, какъ говорятъ отцы, и не расположено къ нему." Примѣчайте, какъ они обвиняютъ одинъ другаго и ни одинъ изъ нихъ не обвинилъ самаго себя. Опять другіе два брата, оскорбленные другъ другомъ, и послѣ взаимнаго примиренія, остались недовольными. Одинъ говорилъ: онъ не отъ сердца сдѣлалъ мнѣ поклонъ; потому я и остался въ неудовольствіи на него: такъ разсуждали и отцы. Другой напротивъ говорилъ: поелику онъ не расположенъ былъ любить меня, пока я не поклонился ему; то посему и я остался въ неудовольствіи на него. Вотъ вещь достойная посмѣянія! Вотъ развращеніе ума! Богъ видитъ, сколько я ужасаюсь того, что мы и самыя изреченія Отцевъ понимаемъ въ угодность нашей развращенной воли и на погибель души. Каждый изъ приведенныхъ мною въ примѣръ долженъ былъ бы сложить вину на самаго себя. Одинъ долженъ былъ бы сказать: поелику я не отъ сердца сдѣлалъ поклонъ брату своему, то посему Богъ и не расположилъ его ко мнѣ; и другой: по-

елику я не расположенъ былъ любить брата своего прежде, нежели онъ попросилъ у меня прощенія, то посему Богъ и его не расположилъ ко мнѣ. Такимъ же образомъ должны были поступить и два первые. Одинъ долженъ былъ бы сказать: поелику я говорю властительски, потому Богъ и не располагаетъ брата моего ко мнѣ; а другому надлежало бы размышлять въ себѣ: братъ мой повелѣваетъ мнѣ со смиреніемъ и любовію, но я не покоренъ и не имѣю страха Божія. Но никто изъ нихъ не обрѣлъ пути самообвиненія, напротивъ каждый возлагалъ вину на ближняго.

Вотъ отъ чего мы не получаемъ успѣха въ добрѣ, не получаемъ ни въ чемъ пользы, но все свое время бываемъ въ неудовольствіи другъ на друга, и мучимъ сами себя! Отъ того, что каждый оправдываетъ себя, каждый самъ себѣ позволяетъ не исполнять заповѣдей, а отъ ближняго требуетъ исполненія оныхъ. Вотъ отъ чего мы не пріобрѣтаемъ навыка къ добру! Отъ того, что едва только мы чему нибудь научимся, тотчасъ начинаемъ требовать сего отъ ближняго и обвинять его, говоря: ты долженъ былъ сдѣлать сіе, или: почему ты не поступилъ такимъ образомъ? — Но поче-

му бы намъ лучше не требовать отъ самихъ себя исполненія заповѣдей? Почему бы не обвинять самихъ себя за несоблюденіе оныхъ? Гдѣ тотъ старецъ, который, когда спросили у него: какой обрѣлъ ты, отецъ, особенный путь къ Богу? отвѣчалъ: чтобы во всякомъ случаѣ обвинять самаго себя. Спросившій подтвердилъ сіе, и сказалъ: нѣтъ другаго пути кромѣ сего. Подобнымъ образомъ говорилъ и Авва Пименъ: „Всѣ добродѣтели со стенаніемъ вошли въ домъ сей, кромѣ одной, безъ которой человѣкъ напрасно трудится." И когда спросили у него, какая добродѣтель? отвѣчалъ: „чтобы человѣкъ обвинялъ самаго себя." Святый Антоній говорилъ: „Главное попеченіе человѣка должно быть о томъ, чтобы предъ Богомъ возлагать грѣхи свои на себя, и ожидать искушеній до послѣдняго дыханія." Вездѣ мы находимъ, что отцы, соблюдая сіе правило, и возводя все, даже маловажное къ Богу, были спокойны. Таковъ, напримѣръ, былъ святый оный старецъ, коему во время болѣзни братъ положилъ въ пищу вмѣсто меда льнянаго масла. Хотя оно и весьма вредно, но старецъ ничего не сказалъ, а ѣлъ, молча, первое и второе блюдо. Потомъ удовле-

творивши своей нуждѣ, онъ не сталъ въ мысляхъ своихъ обвинять брата, не сдѣлалъ ему выговора за его нерадѣніе, и не только сего не сдѣлалъ, но и ни однимъ словомъ не огорчилъ его. Когда же братъ узналъ свою ошибку и началъ скорбѣть: „я убилъ тебя, отецъ, говорилъ онъ, и ты молчаніемъ своимъ наложилъ на меня сей грѣхъ;“ то съ какою кротостію онъ отвѣчалъ ему: „не скорби чадо. Если бы Богу угодно было, чтобы я вкусилъ медъ; то ты мнѣ медъ и предложилъ бы.“ Вотъ тотчасъ онъ отнесъ сіе дѣло къ Богу! Что ты старецъ? Какое здѣсь отношеніе къ Богу? Братъ сдѣлалъ ошибку, а ты говоришь: если бы угодно было Богу? Подлинно, говоритъ онъ, если бы угодно было Богу, чтобы я вкусилъ медъ, то братъ и подалъ бы мнѣ медъ. Замѣтьте и то, что старецъ столько былъ немощенъ, столько дней не могъ принимать пищи; однакожъ онъ не огорчился на брата, но отнесъ сіе дѣло къ Богу, и успокоился. Старецъ говорилъ правду; ибо зналъ, что если бы Богу угодно было предложить ему въ пищу медъ, то и самое зловонное масло Онъ превратилъ бы въ медъ.

Но мы за каждое дѣло обвиняемъ ближняго, негодуемъ на него, какъ будто онъ презираетъ насъ и поступаетъ противъ совѣсти; какъ скоро услышимъ одно слово, тотчасъ превращаемъ его, и говоримъ: если бы онъ не хотѣлъ уязвить меня, то и не сказалъ бы сего. Гдѣ тотъ святый Мужъ, который сказалъ о Семеѣ: *Оставите его, и тако да проклинаетъ, яко Господь рече ему проклинати Давида.* Мужу убійцѣ сказалъ Богъ, чтобъ онъ проклиналъ Пророка? Какъ? уже ли Богъ сказалъ ему? — Пророкъ зналъ, что ничто столько не привлекаетъ душѣ милосердія Божія, какъ искушенія, и особенно наводимыя и налагаемыя во время тѣсноты и скорби, а по сему и говорилъ: *Оставите его проклинати Давида, яко рече ему Господь.* Для чего? *Негли призритъ Господь на смиреніе мое, и возвратитъ ми благая вмѣсто клятвы его.* Видишь ли, что Пророкъ поступилъ такимъ образомъ съ намѣреніемъ, посему и воспрепятствовалъ тѣмъ, кои хотѣли отмстить проклинающему: *Что мнѣ и вамъ, сынове Саруины? оставите его проклинати мя, яко Господь рече ему.* (2 Цар. глав. 16.) Но мы никогда не скажемъ о братѣ своемъ, что ему

сказалъ Господь: но какъ скоро услышимъ слово, тотчасъ поступаемъ какъ псы, кои, когда кто бросить въ нихъ камень, оставляютъ бросившаго, а бѣгутъ къ камню и грызутъ его. Такъ поступаемъ и мы; оставляемъ Бога, который попущаетъ на насъ напасти для очищенія грѣховъ нашихъ, и устремляемся противъ ближняго, говоря: почему онъ сказалъ мнѣ сіе? — почему сдѣлалъ сіе? И такимъ образомъ вмѣсто того, чтобы получить большую пользу отъ сего, мы обращаемъ это для себя во вредъ, не зная того, что все бываетъ по усмотрѣнію Божію для пользы каждаго. Самъ Богъ да вразумитъ насъ молитвами Святыхъ. Аминь.

IV.

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО НИЛА ПОДВИЖНИКА

ИЗБРАННЫЯ ПИСЬМА.

Зосиму домостроителю.

Худой человѣкъ не усомнится осудить и добраго; а добрый и худаго не осудитъ. Кто не склоненъ худо дѣлать другому, тотъ не можетъ и худо мыслить о немъ.

Филиппу Схоластику.

Бумага, сдѣланная изъ папира и клея, называется просто бумагою; а когда на ней подпишется Императоръ, то, извѣстно, называется *сакра* (священная). Такъ ты думай и о Святыхъ Тайнахъ. До молитвы Священника и нисшествія Святаго Духа, предлежащіе дары суть простой хлѣбъ и обыкновенное вино; а послѣ страшныхъ тѣхъ призываній и сошествія покланяемаго, животворящаго и благаго Духа, лежащіе на святомъ престолѣ дары уже суть не хлѣбъ простой и вино обыкновенное, но Тѣло и Кровь честная и пречистая

Христа Бога всяческихъ, очищающая отъ всякой скверны причащающихся со страхомъ и великою любовію.

Досиѳею.

Да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ, (1 Кор. 15, 28.) — свѣтомъ для достойныхъ свѣта, огнемъ мученія для достойныхъ вѣчнаго мученія.

Птолемею.

Иные, вышедъ лѣтомъ изъ пристани, потерпѣли кораблекрушеніе; а другіе и зимою плавали, и не испытали бѣдъ. А сколько подвижниковъ, которые несомнѣнно надѣялись получить побѣду, и — побѣждены были? Другіе, напротивъ, отчаявались получить и вторую награду, и увѣнчались — первою. И такъ, не станемъ терять бодрости, не будемъ отчаяваться, но во всякихъ обстоятельствахъ будемъ прилежнѣе молиться.

Маркіану.

Если ты недостоинъ, вѣрь, что спасешься; если безчувственъ, не надѣйся спастись. Недостойныхъ и признательныхъ и благодарящихъ во всякой скорби, человѣколю-

вецѣ Богъ милуетъ и спасаетъ, хотябъ они совсѣмъ почти отчаялись притти когда либо въ лучшее состояніе; а безчувственныхъ не милуетъ. Кто жъ безчувственъ, если не тотъ, кто не хочетъ съ благодарностію исповѣдать, что вѣра во Владыку Христа доставила міру безчисленныя блага и пользу?

Ксенону.

Богъ нашъ любитъ *милость и судъ*, какъ сказалъ Давидъ, (Псал. 32, 5.) дабы ни милость одна не сдѣлала насъ безпечными, ни судъ одинъ не повергъ насъ въ отчаяніе. Ибо, сказано, если Богъ назритъ беззаконія, кто постоитъ? (Псал. 129, 3.) Судія готовъ помиловать тебя и явить свое милосердіе, если узритъ, что ты по сдѣланіи грѣха смирился и обращаешься къ служителямъ Божіимъ съ прошеніемъ, помочь тебѣ исцѣлить грѣшную душу твою. Если Господь найдетъ тебя достойнымъ милости: то въ обиліи ниспошлетъ тебѣ милость. Еслижъ усмотритъ сердце гордое, невѣрующее, нераскаянное и нестрашащееся будущаго суда; тогда, тогда уже любитъ Богъ судъ, подобно тому, какъ врачъ, всегда готовый лечить нарывъ при-

мочками и мягкими пластырями, когда увидишь, что нарывъ твердъ и жестокъ, и они не могутъ имѣть никакого дѣйствія на оный, оставивъ снисходительный и кроткій образъ леченія, употребляетъ желѣзо. Такимъ образомъ любитъ Господь милость и судъ, — милость къ кающимся, — судъ къ безчувственнымъ и упорнымъ.

Феодоріану.

Нѣкоторые, подобные тебѣ, жалкіе невѣжды и міролюбцы, водясь страстьми, просятъ у Господа въ молитвѣ здоровья, и богатства и наслажденій, и гибели врагамъ своимъ, и послѣ, когда столь вредное прошеніе ихъ не исполняется, падаютъ въ невѣріе, или жалуются на Бога. Другіе также другаго чего нибудь просивши, и не получивъ, — для ихъ же собственной пользы, — ибо не все то непремѣнно и полезно, что мы любимъ: потому что мы не знаемъ, говоритъ Апостолъ, о чемъ, и какъ намъ должно молиться; (Рим. 8, 26.) тотчасъ начинаютъ роптать, досадуютъ, сердятся, что не исполнилась ихъ молитва; и хотя часто ведутъ самую порочную жизнь, хотятъ однако же тотчасъ быть

услышаны. Не долженъ ли ты быть благодаренъ и за то одно, что удостоился утренневать къ Творцу всего и бесѣдовать съ Нимъ молитвою? Но ты не только не хочешь благодарить Его, но даже поносишь, прахъ, Создателя своего! Войди хотя теперь въ себя самаго и познай свое состояніе.

Евфразію Епископу.

Какъ еслибъ кто, взявъ прекрасный портретъ Государя, съ особеннымъ тщаніемъ составленный искуснымъ художникомъ изъ мелкихъ драгоцѣнныхъ камней, и испортивъ видъ человѣка, представленный на немъ, перемѣстилъ тѣ камни, привелъ въ другой порядокъ и сдѣлалъ изъ нихъ изображеніе какого либо животнаго, и потомъ вздумалъ утверждать и говорить, что это есть тотъ самый прекрасный портретъ, который сдѣланъ искуснымъ художникомъ, и въ подтвержденіе сталъ указывать на тѣ камешки, которые первый художникъ искусно вложилъ въ портретъ Государя, а послѣдній негодно превратилъ въ изображеніе звѣря, и указаніемъ на сіи камешки сталъ обманывать простыхъ людей, не видавшихъ никогда лично Государя, и увѣрять,

что сіе отвратительное изображеніе есть тотъ прекрасный портретъ Государя; такъ точно и ересеначальники, сшивая, какъ старухи, слова и какія нибудь реченія и отдирая отъ Священнаго Писанія притчи, силятся приспособить къ своимъ бреднямъ изреченія Божіи. Но вы знайте таковыхъ.

Аѳанасію Екдику.

Ты походишь на человѣка, который говоритъ: „хотѣлось бы, чтобы обильный дождь напоилъ всю землю, а позябнуть не хочется.“ А можно ль быть обильному дождю безъ холода? Какъ же ты говоришь, что желаешь и молишь удостоиться какого нибудь духовнаго дарованія — безъ труда и скорби? Всякъ міранинъ и монахъ, желающій получить какой либо небесный даръ, долженъ потерпѣть много скорбей, искушеній и горестей, - какъ жестокую зимнюю стужу, и потомъ уже пожать плоды Святаго Духа.

Иппонику.

Часто иные желаютъ освободиться отъ своего тѣла, потому что оно будто увлекаетъ душу ко грѣху. Напротивъ, надлежало бы имъ желать освободиться отъ

своего порочнаго характера, водимаго страстями и любящаго нечистоты сердца.

Ему же.

Говоришь, что язычникъ грѣшный сказалъ тебѣ: „ты ничемъ не лучше меня, хотя Христіанинъ: потому что и ты грѣшенъ." Скажи жъ ему слѣдующую притчу. У одного хозяина было двѣ собаки; ту, которая взбѣсилась и покушалась загрысть самаго хозяина, онъ приказалъ убить; а ту, которая любитъ его, всегда ласкается къ нему и лижетъ ноги его, онъ бережетъ, кормитъ и щадитъ.

Амфилохію.

Добродѣтель въ старости не льзя назвать добродѣтелію: она есть безсиліе. И такъ лучше въ молодости надобно намъ жить добродѣтельно, и въ юномъ тѣлѣ показывать старческій умъ.

Декуріону.

Умъ владыка, презрѣнное тѣло-рабъ. И такъ не угождай сверхъ мѣры рабу невоздержаніемъ въ пищѣ, чтобъ онъ, забывши свое состояніе, не возсталъ и не дерзнулъ поднять оружіе противъ господина. По сему Соломонъ которому извѣстно было безуміе тѣла,

говорилъ: *Не пользуетъ безумному сладость, и аще рабъ начнетъ съ досажденіемъ обладати* своимъ господиномъ. (Притч. 19, 10.)

Максиміану.

Во всякомъ народѣ боящійся Бога и поступающій по правдѣ угоденъ Ему. (Дѣян. 10, 35.) Это значитъ: Богъ *пріемлетъ* и не отвергаетъ того, кто, въ свое время, прибѣгаетъ къ свѣту блаженнѣйшаго Богопознанія. Онъ не попуститъ ему умереть въ невѣдѣніи, но приведетъ его къ истинѣ и озаритъ свѣтомъ познанія, какъ Корнилія, о которомъ и въ вышеприведенныхъ словахъ говоритъ блаженный Петръ.

Аттику Чтецу.

Видѣвый Мене, видѣ Отца; (Іоан. 14, 9.) значитъ: удостоившійся уразумѣть Божество Мое, очевидно, позналъ Божество Отца. Ибо одно Божество и слава Отца и Сына: потому что *Азъ и Отецъ едино есма.* (Іоан. 10, 30.)

Елевѳерію.

Не бездѣлица *едва:* ибо едва, — одной ночи не достало — Іуда не вошелъ въ царствіе Божіе, и едва человѣкъ тотъ, который въ Севастіи не перенесъ мученія, не увѣнчался

съ прочими Мучениками. И такъ, оставя пустыя отговорки, станемъ держаться всего твердаго и добраго.

Мартину.

По мнѣ (позади меня, Іоан. 1, 27.) означаетъ будущее время, какъ напримѣръ, когда Писаніе говоритъ: *Кто возвѣститъ человѣку, что будетъ созади его* (по немъ? Еклес. 10, 14.) И Саулъ говоритъ Давиду: *Клянися ми Господемъ, яко не искоренищи сѣмени моего по мнѣ,* то есть, что послѣ сего, послѣ моей, говоритъ, смерти не истребишь дѣтей и потомковъ моихъ.

Ему же.

Поелику отъ воззрѣнія всегда раждается пожеланіе: то не позволяй глазамъ своимъ смотрѣть на красивыя лица, дабы отъ неосторожнаго взгляда не впасть въ непозволенное и нечистое дѣйствіе. Если бы Ева не видѣла красиваго дерева, то не взяла бы и не вкусила (плодовъ его), и не лишилась бы покрова — божественнаго цѣломудрія. Нынѣ подъ именемъ Евы разумѣй чувство, которое, когда поразится видимымъ, первое вкушаетъ вредъ и тотчасъ

удѣляешъ смершоносной снѣди мужу — невидимому уму. О семъ я и прежде говорилъ шебѣ.

Діакону.

Когда шы увидишь человѣка невѣрующаго, міролюбца, гордящагося суешною привременной мудросши, и презирающаго Богодухновенное Писаніе, за шо, что оно не Апшическимъ написано слогомъ: знай, что это Неэманъ Сиріянинъ, кошорый весь, ошъ невѣрія, покрышъ проказою, доколѣ не познаешъ благодѣшеля Бога и Господа всего, Неэманъ, кошорый весьма удивлялся величайшимъ рѣкамъ Дамаска, не могшимъ ни одного прокаженнаго очисшишь ошъ проказы, и презиралъ Іорданъ, находящійся въ землѣ Израильской. И у насъ-какъ мысленныхъ Израильшянъ-есшь Іорданскія сшруи Божесшвеннаго Писанія, — кошорыя по произношенію словъ кажушся незначущими и маловажными, а по важносши шаинъ, сокровенныхъ въ ученіи Христовомъ — сей водѣ, біющей въ жизнь вѣчную, изцѣляющей и очищающей и просвѣщающей вѣрующихъ, — вышеесшесшвенны и дивны и славны и превозносимы во вѣки вѣковъ.

Левкадію Архидіакону.

Еслибъ множество душъ, какъ ты говоришь, за грѣхъ низвержено было сюда съ высоты небесъ при началѣ бытія человѣческаго и получило тѣла: то надлежало бы великому Моисею написать, что Богъ сдѣлалъ изъ земли много тѣлъ, и въ оныя помѣстилъ ниспадшія души. Но не то мы видимъ; напротивъ Писаніе сказываетъ, что одинъ только человѣкъ, Адамъ, образованъ изъ земли и получилъ чрезъ вдуновеніе душу. *Сотворилъ есть отъ единыя крове*, какъ говоритъ Апостолъ, *весь языкъ человѣчь жити по лицу земному.* (Дѣян. 17, 26.) И, *первый человѣкъ отъ земли перстенъ*, не первыя толпы безчисленнаго множества человѣковъ отъ земли перстны, и *единѣмъ*, говоритъ, *человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде*, (Римл. 5, 12.) а не множествомъ человѣковъ.

Ему же.

Кто оскорбилъ Бога и изгнанъ, не получаетъ благословенія; между тѣмъ Адамъ, сотворенный отъ земли, и Ева, произведенная изъ ребра его помощница для дѣторожденія, получаютъ отъ Бога благословеніе, какъ не сдѣлавшіе еще никакого

грѣха, — плодиться, размножаться и обладать всею вселенною. (Быт. 1, 28.) Какимъ же теперь образомъ Адамъ и жена его согрѣшили еще прежде на небесахъ какъ ты говоришь?

Фортунату.

Легко соблазняться, свойственно не любомудрому, а малодушному. Ибо сказано: *Миръ многъ любящимъ законъ Твой, и нѣсть имъ соблазна.* (Псал. 118, 166.)

Ѳеонѣ.

Неутѣшный плачь, сѣтованіе и пощеніе по умершемъ сродникѣ, служитъ признакомъ невѣрія и недостатка упованія. Кто вѣруетъ, что недавно погребенный воскреснетъ изъ мертвыхъ, тотъ укрѣпитъ себя надеждою, будетъ благодарить Бога, сѣтованіе перемѣнитъ на веселіе, будетъ молиться, чтобъ усопшій удостоился вѣчнаго милосердія, обратится къ исправленію своихъ согрѣшеній.

Химазію.

О начавшихъ и не совершившихъ чудное дѣло добродѣтели можно сказать сіе Пророческое изреченіе: *Яже предъ нимъ, рай*

сладости, и яже созади его, поле пагубы. (Іоиля 2, 3.)

Леониду.

Такъ называемая несмысленными Еллинами судьба и участь никогда и не существовала, и не существуетъ, и не будетъ существовать, и не можетъ существовать. Только ты ея — не имѣющей дѣйствительнаго бытія — не осуществляй по предубѣжденію къ бреднямъ безумныхъ Еллиновъ.

Ираклиту Схоластику.

Первое приражсеніе искушенія, отъ котораго получаютъ начало страсти, бываетъ соглядатаемъ нашей силы. Напримѣръ, очамъ представилось что нибудь такое, что можетъ возбудить похоть: врагъ чрезъ сіе осматриваетъ силу твою, — крѣпокъ ли ты и вооруженъ, или слабъ и можешь легко плѣненъ быть. Если же удовольствіе разнѣжитъ чувство и расположитъ къ зримому, и если образъ видимаго войдетъ чрезъ глаза во внутренность смысла, тогда побѣждается вождь внутренняго — умъ.

Ѳеофилу.

Какъ не всѣ чудеса, какія могъ, творилъ Господь Іисусъ, а только тѣ, какія хо-

тѣлъ: такъ не все, что зналъ, преподавалъ въ ученіи, а только то возвѣщалъ, что мы могли принять, — соразмѣряя слово ученія съ слабостію естества (нашего). Вотъ почему Онъ ученикамъ, еще несовершеннымъ, говоритъ, что не знаетъ онаго дня. (Матѳ. 24, 36.)

Стратіону.

Мы тѣмъ отличаемся отъ невѣрующихъ, что иначе судимъ о вещахъ. Язычникъ видитъ небо, и — и благоговѣетъ и дивится; поелику небо почитаетъ Богомъ. Видитъ язычникъ землю и воды, и покланяется, и служитъ безчувственному. Но мы не такъ, — нѣтъ! Мы взираемъ на небо, и — удивляемся Сотворившему; потому что мы не почитаемъ неба Богомъ, но произведеніемъ Его. Язычникъ видитъ богатство, и поражается удивленіемъ: вижу богатство *я*, и отъ презрѣнія къ богатству — смѣюсь. Онъ видитъ бѣдность, и отъ страха стенаетъ: вижу бѣдность я, и скачу и веселюсь, зная, что истинное богатство — добродѣтель. И такъ иначе смотрятъ на предметъ Христіане, и иначе несмысленные язычники.

Евсевію Діакону.

Богъ многое тайно дѣлаетъ для пользы нашей, хотя нѣкоторые случаи представляются намъ непріятными. Но мы, какъ вѣрные и искренніе рабы, не любопытствуемъ знать образа, какъ полезны такіе случаи: потому что мы только должны быть увѣрены, что Промыслитель душъ нашихъ все устрояетъ къ пользѣ и благу нашему, а не изыскивать, какъ устрояетъ, и не сѣтовать, не малодушествовать о томъ, что не знаемъ сего. Ибо нѣтъ пользы въ знаніи сего, какъ потому, что мы смертны, такъ и потому, что легко надмѣваемся гордостію и самомнѣніемъ.

Евиѳію.

Когда мнѣ покажешь согласіе между псомъ и гіеною, тогда повѣрю тебѣ, что алчущій ненасытимо богатствъ можетъ быть человѣколюбивымъ.

Софену.

Вижу твое несмысліе и безуміе. Ибо, если ты укоряешь Богоноснаго мужа Іоанна, Епископа Константинопольскаго, за то,

что онъ будто гнѣвливъ и сварливъ, когда обличаетъ грѣшниковъ и строго возстаетъ на безчувственныхъ и ожесточенныхъ: то время тебѣ назвать ругателями — и Іоанна Крестителя, который нѣкоторыхъ, имѣвшихъ змѣиные нравы, называлъ порожденіями ехидны, и Апостола, который дважды назвалъ Галатянъ безумными, и Пророковъ обвинить въ сварливости; поелику они разумныхъ тварей называли конями похотливыми, псами изподтиха кусающими, и воронами, стараясь сими обличеніями склонить заблуждающихъ къ исправленію. Что наконецъ скажешь о Богѣ всяческихъ и Промыслителѣ Христѣ, смиренномъ и своею снисходительностію и кротостію, превзошедшемъ всякую кротость, когда услышишь, что Онъ беззаконныхъ называетъ глупыми и слѣпыми, сынами діавола, плевелами, псами, свиніями и другими низкими именами? —

Ему же.

Что значатъ слова: *Мы имѣемъ умъ Христовъ*? (1 Кор. 2, 16). — Онѣ значатъ: я имѣю смыслъ очищенный, имѣю чистыя и возвышенныя мысли, и сіяю жизнію.

Ему же.

Духа пріяхомъ, говоритъ Апостолъ, (1 Кор. 2, 12.) не для того, чтобъ могли знать въ точности существо Божіе, но — *да вѣмы дарованныя намъ* безчисленныя блага, *яже и глаголемъ* ученикамъ.

Ему же.

Будемъ надѣяться на Бога, любезный братъ, будемъ надѣяться, хотя не видимъ скораго и немедленнаго исполненія моленія нашего и не знаемъ, что будетъ съ нами. Богу угодно, чтобъ мы всегда надѣялись на Него: Онъ и все такъ устроилъ, чтобъ мы не иначе достигали наслажденія благами, которыхъ просимъ, временными и вѣчными, какъ послѣ долговременной надежды.

Ему же.

Пріобрѣтенное съ трудомъ обыкновенно долѣе сберегается, а снисканное легко, весьма скоро истрачивается, какъ такое, что опять можно получить. Такимъ образомъ благодѣтельствованіе нескорое есть самое лучшее и прочное благодѣяніе.

Зосарію Трибуну.

Не обманывайся увѣреніемъ Іудеянина, что они за другіе грѣхи изгнаны изъ Палестины. Нѣтъ, не за другіе грѣхи имъ нанесены такія неизцѣльныя раны, а за убіеніе Господа. Прежде, за служеніе идоламъ и за убіеніе Пророковъ и за приношеніе демонамъ въ жертву дочерей и сыновъ, они предаваемы были Богомъ въ плѣнъ, и спустя не много лѣтъ, по Божію изволенію, опять возвращались въ землю обѣтованную. Но съ того времени, какъ дерзнули совершить дѣло непростительное — возложили руки на Сына Божія, преданы совершенному разоренію. Вотъ уже пятисотый годъ, и — нѣтъ никакой помощи, нѣтъ заступленія, нѣтъ утѣшенія, нѣтъ Пророка, который бы научалъ и утверждалъ ихъ, какъ въ Вавилонѣ Іезекіилъ, Даніилъ и прочіе. Богъ уже не хочетъ бесѣдовать съ ними; Онъ гнушается ихъ.

Помпею Діакону.

Чему ты изумляешься, видя, что превозносятъ похвалами человѣка самаго порочнаго и нечестиваго, что онъ наслаждается славою незаслуженною и имѣетъ

великую силу у властителей земли? Вспомни, что проповѣдуетъ Писаніе: *Вданъ нечестивый въ высоты велики*, (Еккл. 10, 6.) то есть, ему попустилъ Богъ возвыситься въ семъ мірѣ. Попущеножъ ему не безъ намѣренія, но, чтобъ онъ слишкомъ вознесшись, низринулся оттуда и получилъ ударъ неизцѣлимый.

Акакію.

Весьма пагубно какъ произносить устами слово праздное и безполезное и не служащее къ духовному назиданію, такъ и питать въ сердцѣ змѣй и скорпіоновъ — грѣховные помыслы.

Ему же.

Разсмотри, кто изъ Іудеевъ обращается къ Вѣрѣ, какъ они принимають проповѣдь Апостольскую: и поймешь, какъ первые дѣлаются послѣдними, чтобъ исполнилось слово Моисея, изрекшаго пророчество о потомкахъ Адамовыхъ и сказавшаго: *Пришлецъ, иже у тебе, будетъ выше, выше; ты же низу, низу*; онъ будетъ господствовать надъ тобою, а ты будешь подъ его владычествомъ: *онъ будетъ глава, ты же будешь хвостъ*. (Втор. 28, 43.) Подъ

пришельцемъ (прозелитомъ) онъ разумѣетъ тѣхъ, которые изъ язычниковъ увѣровали во Христа.

Афѳонію Самаритянину.

Содержаніе письма твоего слѣдующее: „Еслибъ зерно, посѣянное въ землю, не согнивало, то можнобъ было надѣяться, что человѣческое тѣло воскреснетъ. Если же зерно, да и всякое сѣмя, преданное землѣ, согниваетъ, и тѣло человѣческое обращается въ прахъ и пыль: то что ты мнѣ обѣщаешь воскресеніе тѣлъ?" — Я на сіе отвѣчаю такъ: Прочитай начало книги Бытія: „И взялъ Богъ персть отъ земли и создалъ человѣка." (2, 7.) Какое же различіе между перстію отъ земли и прахомъ и пылію? Такимъ образомъ, какъ вначалѣ тѣло устроено изъ праха земнаго, получило отъ Бога вдуновеніе, и сталъ человѣкъ на ноги свои: такъ опять изъ праха и изъ пыли, при концѣ настоящаго вѣка, по повелѣнію и силѣ Божіей, возстанутъ тѣла человѣческія, получатъ свои души и станутъ на ногахъ своихъ во славу и хвалу Творца всего, производящаго все дивное.

Ему же.

Ты пишешь: „Если я зерно хлѣбное смелю и сдѣлаю мукою; то хотя тысячу разъ буду сѣять его въ землѣ, не оживетъ, не возстанетъ, не дастъ ростка, не принесетъ плода. Такъ и тѣло, сдѣлавшись пепломъ и пылію, не можетъ уже никакъ возстать и ожить." — Я и теперь съ кротостію скажу тебѣ тоже, что прежде писалъ: какъ въ началѣ человѣкъ созданъ изъ праха, силою и вѣдѣніемъ премудраго и всемогущаго Господа: такъ и при концѣ настоящаго вѣка, возстанетъ изъ праха соплѣвшее тѣло и воскреснетъ человѣкъ, получитъ жизнь и душу, свергнетъ прежнюю тлѣнность и облечется въ Божественное нетлѣніе.

Ему же.

Ты говоришь, что прахъ тѣлъ человѣческихъ разносится и развѣвается вѣтрами во всѣ стороны, и чтожъ будетъ наконецъ? . . Но размысли, изъ чего устроена земля, откуда произошли огонь, воздухъ и вода? Ты конечно не согласишься съ глупыми мнѣніями языческими, опровергнешь бредни лжефилософовъ, и скажешь въ от-

вѣтъ, что сіи стихіи воззваны Богомъ въ бытіе изъ несуществовавшаго. И я тебѣ говорю, что какъ все изъ небывшаго приведено въ бытіе единымъ мановеніемъ Божественнаго хотѣнія; такъ изъ того праха, который ты почитаешь погибающимъ, возстанутъ тѣла человѣческія.

Веніамину Еврею.

Говоришь, что ты за многое хвалишь Іисуса, а очень недоволенъ Имъ за то, что Онъ пренебрегъ и раззорилъ Субботу. Но не всегда человѣку быть младенцемъ. Сдѣлавшійся совершеннолѣтнимъ, не захочетъ питаться молокомъ, и посвятившій себя наукамъ Философскимъ, не станетъ сидѣть надъ азбукою. Такъ, до нисшествія къ людямъ небесной мудрости, храненіе Субботы было хорошо и полезно; теперь же, послѣ пришествія Христова, оно излишне. Христіанинъ долженъ мудрствовать превыше и дней и временъ и всего міра.

Ему же.

Премудрость Божію представляй себѣ какъ бы матерію, которая сначала даетъ младенцу сосцы, и говоритъ: „хорошо, хорошо это," а послѣ пріучаетъ дитя къ

пищѣ твердой, сосецъ намазываетъ горечью и непрестанно повторяетъ: „это худо, худо.“

Клеарху.

Я не могу укорять волка за хищничество; склонность къ хищенію врождена волку: но браню человѣка, который противуестественно усвоилъ себѣ характеръ волчій.

Евлампію.

Не отвѣщай безумному, говоритъ Соломонъ, *по безумію его, да не подобенъ ему будеши. Но отвѣщай безумному на безуміе* (πρὸς ἀφροσύνην) *его, да не явится мудръ у себе.* (Притч. 26, 4. 5.) Кто соглашается съ глупымъ, когда онъ говоритъ противное законамъ Божіимъ, и склоняетъ ко грѣху, и кто хвалитъ слова его, тотъ отвѣчаетъ безумному *по безумію* его, и уподобляется ему. Напротивъ кто противорѣчитъ говорящему нечестивое и не соглашается со сквернословящимъ, тотъ отвѣтствуетъ, по Писанію, *на безуміе* его; то есть, тотъ является мужественнымъ побѣдоносцемъ надъ безуміемъ его, ибо стрѣлами истины и небесной мудро-

сти, низлагаетъ безуміе и суетное надмѣніе лукаваго умствователя.

Аглаію.

Какъ тѣ, которые страдаютъ горячкою, почитаютъ медъ горькимъ; ибо чувство вкуса у нихъ испорчено: такъ портится и чувство вкуса душевное. Пророкъ говоритъ: *Горе тѣмъ, которые сладкое называютъ горькимъ.* (Исаіи 5, 20.)

Евграммію.

Ты имѣешь обыкновеніе говорить, что діаволъ хитръ и лукавъ. Согласенъ съ этимъ и я. Но если мы захотимъ трезвиться, то діаволъ лукавъ будетъ для себя, а не для насъ: потому что зло только пагубно тѣмъ, въ которыхъ оно находится; напротивъ добродѣтель можетъ принесть пользу не только тѣмъ, которые имѣютъ ее, но и ближнимъ.

Ему же.

Чтобъ тебѣ увѣриться, что злой себѣ только золъ, а добрый и другимъ добръ, приведу тебѣ свидѣтельство изъ Притчей. Въ нихъ сказано: *Сыне, аще золъ будеши, единъ почерпнеши злая: аще же пре-*

мудръ, себѣ премудръ будеши и ближнему. (Притч. 9, 12.)

Астерію Чтецу.

Какъ обрѣзаніе вмѣняется преступному Іудеянину въ необрѣзаніе; такъ воздержаніе и постъ вмѣняется въ піянство и объяденіе тому, кто постится по языческому и воздерживается отъ пищи по Манихейскому, и гнушается благими произведеніями Божіими.

V.

СЛОВО *).

Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ. Матѳ. 5, 16.

Преходя отъ града во градъ, отъ веси въ весь, наконецъ, по благости Божіей, достигъ я и вашего уединенія, любезная братія, да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ, якоже и въ прочихъ. Слыша издалека ваше благое житіе о Господѣ, я желалъ нетерпѣливо насладиться вблизи благоуханіемъ сего древняго вертограда Христова и понести съ собою утѣшеніе, — что и на краю ввѣренной мнѣ отъ Господа пажити есть истинные рабы Божіи, сокрытые отъ міра, но полезные міру.

---

*) Сіе и слѣдующія за нимъ Слова получены Издателями при слѣдующемъ письмѣ изъ Карачева.

„По счастію я имѣлъ случай пріобрѣсть нѣсколько рукописныхъ проповѣдей бывшаго Епископа Курскаго и Бѣло-Градскаго, нынѣ Архіепископа Сибирскаго и Тобольскаго Евгенія, говоренныхъ въ разные праздничные дни и случаи, представля-

Кратко время моего съ вами пребыванія; не могу я долго насладиться любезнымъ мнѣ вашимъ лицезрѣніемъ и духовнымъ собесѣдованіемъ. Но елико могу, желаю побесѣдовать съ вами, да имѣю нѣкій плодъ и въ васъ, якоже и въ прочихъ братіяхъ. Скажите вашему новому Пастырю, процвѣтаютъ ли древнія Апостольскія добродѣтели? созрѣваютъ ли въ васъ плоды Святаго Духа? живетъ ли въ васъ любы, и радость, и миръ? соединяетъ ли васъ долготерпѣніе, и благость, и милосердіе? охраняетъ ли васъ вѣра, кротость, и воздержаніе? Благословенъ садъ вашъ, ежели украшается сими небесными плодами, и я

вшіеся смиренномудрому духу его въ Курской Епархіи. Слова сіи переходили между многими любителями чтенія Христіанскихъ книгъ, и нѣкоторые, ощутивъ силу и дѣйствіе сихъ поученій, усердно пожелали видѣть оныя помѣщенными въ Христіанскомъ Чтеніи. Побуждаясь симъ благочестивымъ желаніемъ, и съ своей стороны будучи совершенно увѣренъ, что Слова сіи соотвѣтствуютъ цѣли Христіанскаго просвѣщенія, препровождаю при семъ изъ имѣющихся у меня шесть проповѣдей, всепокорнѣйше прося напечатать оныя въ издаваемомъ Журналѣ Христіанскаго Чтенія.

Получающій сіе душеполезное изданіе Н. Б.“

дерзновенно возглашаю именемъ Божіимъ: *миръ вамъ*!

Вопросите и вы меня, какъ нѣкогда вопросилъ святый отшельникъ пришедшаго изъ міра: есть ли въ мірѣ истинные служители Божіи? Увы, любезная братія! помолитесь о мирѣ всего міра; *Міръ во злѣ лежитъ. Видѣхъ беззаконіе и прерѣканіе во градѣ, днемъ и нощію обыдетъ, и по стѣнамъ его беззаконіе, и трудъ посредѣ его и неправда, и не оскудѣ отъ стогнъ его лихва и лесть. Не любите міра, ни, яже въ мірѣ. Аще кто любитъ міръ, нѣсть любве Отчи въ немъ. Яко все, еже въ мірѣ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская.*

Не вопрошайте о мірѣ и не обращайте взора вашего къ міру. *Никтоже возложь руку на рало, и зряй вспять, управленъ есть въ царствіе Божіе.* Но не преставайте молиться о живущихъ въ мірѣ, а паче подавайте міру примѣръ вашимъ непорочнымъ и Богоугоднымъ житіемъ. *Вы есте соль міру. Аще соль обуяетъ, чимъ осолится? Вы есте свѣтъ міру. Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ.*

Хотя вы удалены отъ міра, но не сокрыты; хотя сокрылись въ пустыню, но не сокровенны; *Не можетъ градъ укрытися, верху горы стоя.* Чѣмъ болѣе вы сокрываетесь по внѣшности, тѣмъ болѣе открыты по внутренности. Любимцы міра, утомляясь суетою, обращаютъ на васъ со вниманіемъ свои взоры, дабы устудить горящій языкъ пустынными добродѣтелями.

Горе вамъ, если изсякнетъ и въ васъ истинная любовь къ Богу, къ ближнему, истинное умерщвленіе плоти. Сколь ни близорукъ міръ въ путяхъ духовныхъ; но онъ тотчасъ проникнетъ маску, ощутитъ лицемѣріе: и вы подвергнетесь сколько гнѣву Божію, столько и презрѣнію міра; похулится въ васъ имя Божіе, любезная братія! *Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ.*

Ежели *свѣтъ будетъ тьма, то тьма кольми*! Ежели въ сырѣ древѣ огнь возгорится, что въ сусѣ будетъ? Вы усыряетесь слезами покаянія; а міръ въ суетѣ своей не находитъ досуга и взглянуть на грѣхи свои; вы озаряетесь слышаніемъ и чтеніемъ Слова Божія непрестаннымъ; а

міръ оглушается суесловіемъ и зловѣріемъ. Подумайте, сколь болѣе имѣете вы способовъ полагать восхожденіе въ сердцѣ своемъ. И когда праведный Судія возстанетъ на судъ, и найдетъ среди міра хотя мало курящуюся вѣру, а въ пустынѣ угасающую: то не отринетъ ли избранныхъ, и не изберетъ ли отриновенныхъ? Вспомните оную грозную истину: ему же болѣе дано будетъ, болѣе взыщется отъ него.

Но почто я печалю себя и васъ непріятными воображеніями? Еще вы не подали мнѣ случая сомнѣваться о вашемъ благочестіи; а я увлекаюсь неумѣстнымъ опасеніемъ: простите моей ревности, любезная братія! Зная Ангельскій обѣтъ вашъ, не могъ я не вообразить, что вы и человѣки. Слыша, что вы стоите въ вѣрѣ и любите подвиги, не могъ я не вообразить и мудраго наставленія Апостола: *Мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ.* И ежели сей избранный сосудъ исповѣдуетъ: *Дадеся ми пакостникъ плоти, да не превозношуся:* то намъ ли слабымъ сосудамъ не нужно смиреніе и опасеніе? Сколь многіе удостоившись откровенія, но возгордѣвшись упали! Сколь многіе, утвердившись въ цѣломудріи, отъ самонадѣянія пали? Сколь мно-

гіе, раздавши свое богатство въ мірѣ, пронзены въ пустынѣ сребролюбіемъ, пріучившись къ покорности въ мірѣ, предались въ пустынѣ унынію, ропоту и даже ослушанію? Сколь многіе уподобились онымъ Галатамъ, къ коимъ вопіетъ Павелъ: *Тако ли несмысленни есте; наченше духомъ, нынѣ плотію скончаваете?* Вотъ свойство человѣческаго сердца! Вотъ причина моего опасенія и воззванія, любезная братія! Дѣлайте дѣло Божіе съ осторожностію; *работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ, не высокомудрствующе, но смиренными ведущеся: не похвалы, яже отъ человѣкъ, но яже отъ Бога, ищуще:* да славится имя Божіе вами. *Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ.* Аминь.

(Говорено во время посѣщенія Софроніевой Пустыни.)

VI.

СЛОВО

На день рождества Пресвятыя Богородицы.

Величит душа моя Господа и возрадовася дух мой о Бозе Спасе моем: яко призре на смиренiе рабы своея. Лук. 1, 47. 48.

Авраам и Сарра, неплодствуя до старости, не ослабели верою: и Господь даровал им сына обетованiя. Iоаким и Анна, неплодные до старости, не ослабели молитвою: и Господь даровал им Марiю, совершенiе обетований. Долго не исполнял Господь их желанiя, дабы тем глубочайшее прiобрели они смиренiе; для того вводил сердца их в большее смиренiе, дабы более даровать им; ибо одни смиренные способны принимать дары Божiи. Кто полн собою, т. е. занят мыслiю о себе; в том нет уже места для благодати: все в нем занимает, расширяющiй крылья, ум его. Но смиренiе, изгоняя всякую мысль о своем достоинстве и заслугах, так сказать, опоражнивает душу и делает

ее сосудомъ, готовымъ для Духа Святаго и даровъ Божіихъ, и чѣмъ совершеннѣе смиреніе, тѣмъ обильнѣе благодать Божія.

Возлюбленная братія! не унывайте во святыхъ подвигахъ. Если Господь по многихъ вашихъ трудахъ и молитвахъ не даетъ еще вкусить вамъ сладости благодати: Онъ научаетъ тѣмъ глубочайшему смиренію и крѣпчайшему упованію. Имѣйте предъ очами вашими Іоакима и Анну, а паче высокую дщерь ихъ, Матерь Божію. Она сама исповѣдуетъ, что не на добродѣтели ея призрѣлъ Господь, но на смиреніе: *Величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ: яко призрѣ на смиреніе рабы своея.*

Да и можетъ ли человѣкъ имѣть какую либо добродѣтель безъ смиренія? — Никогда. Все, что именуется добродѣтелію внѣ смиренія, есть разчетъ ума плотскаго, есть попеченіе о своей пользѣ: а добродѣтель и подвигъ для своей пользы есть работа изъ корысти, но не для Бога. И если кто любуется своими добродѣтелями: тотъ забылъ, что всякая въ насъ сила отъ Господа. Какъ не прилично хвалиться зрѣ-

ніемъ, ибо не сами мы дали себѣ сіи глаза; какъ не пристойно величаться красотою лица; ибо не отъ насъ строеніе лица и тѣла: такъ не свойственно хвалиться всѣми душевными и тѣлесными силами и способностями, ибо не отъ насъ онѣ, но отъ Бога. Виновны мы, ежели о нихъ нерадимъ, или еще во зло употребляемъ. Но какъ можемъ почитать заслугою, когда ими пользуемся? Мы всѣ нищи, и все, что имѣемъ, есть дарованіе Божіе. Благодарить должно Господа, если успѣваемъ въ добрѣ, а не присвоивать себѣ, да не отъимется отъ насъ за гордость нашу, что дано по единому милосердію Божію. Наше одно ничтожество и грѣхи: намъ непрестанно должно вопіять съ Даніиломъ Пророкомъ: *Тебѣ, Господи, правда; намъ же стыдѣніе лица.* (Дан. 9, 7.) Какъ тѣло наше тотчасъ разрушится, какъ скоро отниметъ Господь руку свою: такъ душа тотчасъ упадаетъ въ грѣхъ отъ силы живущаго въ насъ грѣха, какъ скоро отъиметъ Господь во гнѣвѣ благодать свою. Онъ непрестанно поддерживаетъ насъ, какъ мать дитя свое: но поддерживаетъ дотолѣ, пока мы чувствуемъ свою слабость и немощь, и обращаемъ къ Нему взоры наши, прося непрестан-

но помощи. Но какъ скоро возмечтаемъ, и забывши Путеводителя, возмнимъ, что сами о себѣ ходимъ, что своею ревностію и усиліемъ успѣваемъ; въ ту минуту оставляетъ насъ благодать, и мы упадаемъ въ такіе грѣхи, отъ коихъ давно отвыкли, коими давно гнушались. Страшно присвоять то, что принадлежитъ Богу. Лучше грѣшникъ плачущій, нежели праведникъ самонадѣянный.

И такъ братія, *Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ;* — и тогда, когда все должное исполните, *глаголите, яко раби неключими есмы, яко, еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ.* Чистота тѣлесная есть долгъ нашъ, ибо премудрость не обитаетъ въ тѣлеси, повиннѣмъ грѣху; воздержаніе есть долгъ нашъ, ибо паденіе совершилось невоздержаніемъ; послушаніе есть долгъ нашъ, ибо *преслушаніемъ грѣхъ въ міръ вниде:* всѣ добродѣтели, всѣ подвиги суть долгъ нашъ; безъ нихъ человѣкъ уподобляется безсловеснымъ. Но что значатъ всѣ добродѣтели, всѣ подвиги безъ смиренія? *На кого воззрю,* глаголетъ Господь, *токмо на кроткаго, и молчаливаго и трепещущаго словесъ Моихъ?*

Братіе! возлюбите смиреніе, и укрѣпитъ васъ Господь своею благодатію, и благословитъ миромъ. *Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.* Аминь.

(Говорено въ Софроніевой Пустыни 1820 года, Сентября 8-го дня.)

VII.

СЛОВО

По принесеніи чудотворныя иконы Богоматери изъ Курска въ Коренную Пустынь.

Рече же Маріамь: се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему. Лук. ї, 38.

Матерь Божія, послѣ явленія Ангела, посѣтила сродницу свою Елисавету, и *пребывши у нея яко три мѣсяцы, возвратися въ домъ свой.* Такъ и чудотворная ея икона, посѣтивъ Курскъ, и пребывъ тамъ нѣсколько мѣсяцовъ, се нынѣ къ утѣшенію Пустыни возвращается въ Домъ свой, на то мѣсто, гдѣ она за шесть сотъ лѣтъ къ прославленію сей Пустыни явилась, на тотъ корень, отъ коего и нарицается Коренною. Составимъ, братіе, праздникъ, окружая Матерь Искупителя нашего, убо и нашу Матерь. Она любитъ Сына, убо любитъ и насъ; она болѣзновала о Сынѣ въ Его страданіяхъ, болѣзнуетъ и о насъ. И если мы веселимъ ее, то составимъ праздникъ истинный; а ежели печалимъ ее и

огорчаемъ, то праздникъ нашъ не въ праздникъ; огорчая Виновницу праздника, мы безчествуемъ праздникъ. И чѣмъ мы, слушатели, огорчаемъ Матерь Божію, и чѣмъ ее радуемъ? Тѣмъ же, чѣмъ огорчаемъ Бога, и чѣмъ угождаемъ Богу. Ибо она была подобна Богу. Мы огорчаемъ ее, когда ей не подобны.

Такъ, возлюбленные, не думайте, чтобы она печалилась о насъ только тогда, когда мы въ болѣзняхъ, когда въ несчастіяхъ и страданіяхъ. Ибо, ежели Сынъ Божій все можетъ и сынъ всегда послушаетъ матери: то несчастія наши, какъ бы велики ни были, могутъ изчезнуть одною минутою при ея мощномъ за несчастныхъ ходатайствѣ. Свидѣтельствуюсь сею иконою чудотворною, коея однимъ прикосновеніемъ и даже воззрѣніемъ съ вѣрою столько исцѣлились больныхъ, столько облегчились несчастныхъ. Нѣтъ, напротивъ и наши несчастія печалятъ Матерь Божію потому только, что онѣ суть плоды грѣховъ нашихъ; и тогда только, когда мы, такъ сказать, отъемлемъ у Бога могущество помогать нашимъ несчастіямъ нашими недостойными и въ несчастіяхъ чувствова-

ніями. Возлюбленніи! тѣла наши, какъ и весь міръ, въ рукѣ Божіей столько, что Онъ и мертвитъ и живитъ по своей волѣ и власти: но души наши, увы! исторгаются изъ руки Божіей по данной имъ высокой, но со дня паденія несчастной, свободѣ. Ими — то печалимъ Бога, когда грѣху предаемся, ими печалимъ Матерь Божію, токмо нашимъ спасеніемъ, нашею святостію утѣшаемую.

Не много приносятъ больные къ образу Божіей Матери, ежели приступаютъ съ однимъ желаніемъ исцѣлиться. Это бы значило то же, какъ приходитъ къ лѣкарю. Драгоцѣнно предъ Богомъ въ грѣшникѣ искреннее чувство грѣха, и рѣшительность навсегда оставить грѣхъ: и сколь мало съ такимъ духомъ притекающихъ! Вмѣсто того, чтобы предать себя въ несчастіи совершенно Богу и оплакивать грѣхи свои, какъ источникъ страданія, ропщутъ, малодушествуютъ, и проклинаютъ жизнь свою. Такъ-то мы разслаблены духомъ! Не токмо счастіе, но и самыя несчастія употребляемъ во зло, въ обоихъ случаяхъ противляясь Богу. Не такъ поступала пречистая Дѣва, когда явися ей Ангелъ съ

высокимъ благовѣстіемъ. Она того токмо боялась, что страшно для цѣломудрія. *Како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю,* говорила Дѣва. И какъ скоро объяснилъ посланникъ сверхъестественный способъ зачатія, тотчасъ предалась въ волю Божію: *Се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему.*

О! если бы и мы поступали подобно въ недовѣдомыхъ случаяхъ, не лишились бы и мы подобной благодати. Кто во всю жизнь свою, при всякомъ поразительномъ случаѣ, говоритъ съ Маріею: се раба Господня; въ томъ вселится несомнѣнно Господь, и вселится, и возраститъ и укрѣпитъ раба своего *въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова.*

Таковымъ рабамъ Божіимъ ни счастіе не опасно, ни несчастіе не убійственно. Они въ счастіи благодѣтельны, въ несчастіи преданы судьбѣ своей. Течетъ ли имъ богатство, дается ли могущество? они говорятъ: я рабъ Господень, а не господинъ даннаго мнѣ отъ Бога, и долженъ употребить не для себя, но для славы Божіей, и употреблю: се рабъ Господень! Сокру-

щаетъ ли болѣзнь его тѣлесныя силы, или безславіе его славу, или превратность его стяжанія? онъ преклоняется подъ крѣпкую руку Божію и говоритъ: се рабъ Господень, буди мнѣ по глаголу Господню! Сіе Божественное рабство выше всякой свободы человѣческой. Это суть царственные рабы, иногда лишаемые трапезы человѣческой, но пріобщающіеся трапезѣ Господней: *Яко нищи, но многихъ богатяще; яко ничтоже имуще, но вся содержаще*-Бога въ душахъ своихъ. Они веселятъ градъ Божій.— И ежели есть во храмѣ семъ таковые рабы, то они восхищаютъ Матерь Божію. Они — то составляютъ истинное торжество ея; ими красуется настоящій праздникъ.

Возлюбленніи! да углубятся въ душѣ нашей слова Пречистыя: *Се раба Господня; буди мнѣ по глаголу твоему*. Аминь.

(Говорено въ Коренной Пустыни, 1819-го года, Іюня 11-го дня.)

VIII.

С Л О В О

На освященіе храма Рождества Пресвятыя Богородицы.

Паки благоволилъ мнѣ Господь узрѣть обитель вашу, изъ всѣхъ отдаленнѣйшую мѣстомъ, но ближайшую къ моему сердцу. Какъ дѣти юнѣйшіе болѣе озабочиваютъ сердце родительское, будучи малосильнѣе и требуя непрестанной помощи: такъ мнѣ ваше братство. Другія обители довольно обезпечены способами къ содержанію, какъ внутренними, такъ и внѣшними, а вы еще уподобляетесь Иліи, въ пустынѣ отъ Ангела питаемому? Ибо какое имя приличнѣе тѣмъ добрымъ Христіанамъ, которые выну благотворятъ вамъ, какъ имя Ангеловъ, посылаемыхъ въ пустыню отъ Господа. Се жилища ваши изъ ничего возникли, а храмъ Господень отъ ничего въ лѣпоту облекается, и совершается въ васъ оное Апостольское слово: *Яко ничтоже имуще, а вся содержаще; яко нечаеми, но неотчаяваеми; яко умирающе, и се живи есмы.*

Подобно и я сколько озабочиваюсь вами, столько и утѣшаюсь, зная скудость вашу, и видя неоскудѣніе, и охотно принялъ дальній путь, единственно для освященія храма сего, дабы утѣшить васъ, исполнивъ ваше желаніе, и поспѣшилъ нарочно, дабы уготовить его ко дню вашего праздника, хотя имѣлъ болѣе удобности подъ конецъ сего мѣсяца посѣтить васъ; ибо долженъ быть скоро вторично въ краю вашемъ.

Пріимите, возлюбленные! все сіе знакомъ истинной моей къ вамъ любви и попеченія, и утѣшайте меня взаимно вашимъ преспѣяніемъ въ Христіанскихъ добродѣтеляхъ и святыхъ подвигахъ. Се устроены вамъ новыя келліи: устрояйте себѣ вѣчные кровы на небеси. Се преобразился и обновился храмъ молитвы: преобразуйтесь духомъ отъ славы въ славу; обновляйтесь сердцемъ, постепенно совлекаясь ветхаго и облекаясь съ новаго человѣка. Се освященъ и помазанъ храмъ молитвы; да помажется сердце ваше, — истинный престолъ Божій; да освятится тѣло ваше — живый храмъ души вашей. Помните непрестанно оныя Апостольскія слова. *Не*

вѣсте ли, яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть? Прославите убо Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ, и въ душахъ вашихъ.

Не давайте мыслямъ вашимъ паренія, сердцу вашему поползновенія, тѣлу вашему излишней сытости и покоя; ходите въ простотѣ и чистотѣ, то возбуждая себя взаимно *во псалмѣхъ и пѣніихъ, и пѣснѣхъ духовныхъ воспѣвающе и поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви*, то трудами тѣлесными укрѣпляя тѣлесныя силы и умерщвляя нечистыя вожделѣнія. Бойтесь праздности, какъ врага Божія, какъ матери унынія и злыхъ помысловъ, какъ питательницы сна и злыхъ похотей. Паче всего уподобляйтесь храму Господню вашимъ союзомъ и единодушіемъ. Какъ храмъ составленъ изъ разныхъ вещей, кирпича, извести, желѣза и дерева, но составляетъ единое тѣло; будучи прилично сложенъ и связанъ, и утвержденъ на основаніи: подобно и братство состоитъ изъ людей разныхъ характеровъ, разнаго понятія, и если каждый изъ васъ предастъ себя подъ руку Строителя на основаніи Іисуса Христа; то разные характеры согласятся,

разныя понятія сблизятся; всякой станетъ на свое мѣсто, и вы соединитесь въ едино тѣло Христово, единымъ духомъ связуемы, и будете единый живый храмъ живаго Бога.

Если же каждый членъ захочетъ дѣйствовать самъ о себѣ, хотя бы казалось и къ лучшему; то повѣрьте, что врагъ удобно переловитъ васъ по одиначкѣ и погубитъ.

Молю васъ! не возноситесь умомъ вашимъ; не отъ Бога возношеніе; повинуйтесь въ простотѣ сердца; повиновеніе есть союзъ братства, вѣрный знакъ души возрастающей и здравой. Ежели повиновеніе иногда и противно плоти и уму плотскому; но всегда полезно душѣ. Между Ангелами нѣтъ вражды и непокорности; а вы носите образъ Ангеловъ. — Знаю я, что врагъ умѣетъ внушать благовидныя причины къ негодованію на наставниковъ. „Они ошибаются, они погрѣшаютъ." Но посмотрите на мірскія семейства и научитесь, тѣ ли домы процвѣтаютъ, гдѣ глава семейства ума высокаго? нѣтъ! но гдѣ всѣ послушны главѣ семейства. *Разумъ кичитъ, а любы*

созидаетъ. Тако тецыте, да постигнете. И тотъ, кто видитъ ошибки въ другомъ, если станетъ на его мѣстѣ, надѣлаетъ больше ошибокъ. Повинуйтесь въ простотѣ. *Аще око твое просто будетъ; все тѣло твое свѣтло будетъ.*

Все сіе, братія, вы знаете, что я говорилъ вамъ: но можетъ быть иной, зная сіе, носитъ только во умѣ, а еще не въ сердцѣ, и, можетъ быть, гласъ Пастырскій, силою благодати Божіей, внесетъ зерно въ сердце, а въ сердцѣ слово не бываетъ безплодно. Оно только во умѣ засыхаетъ.

Молю Господа, да устроитъ васъ во храмъ святый; а васъ смиренно прошу молиться о мнѣ недостойномъ. Аминь.

(Говорено въ Глинской Богородицкой Пустыни, Сентября 8-го дня, 1822 года.)

IX.

СЛОВО

Во вторую недѣлю поста.

Покайтеся, приближися бо царство небесное. Матѳ. 4, 17.

Когда приличнѣе проповѣдывать покаяніе, какъ не во дни покаянія? *Покайтеся*, взывалъ Спаситель къ Іудеямъ, *приближися бо царство небесное*. Мы не Іудеи, но и намъ не менѣе прилично воззваніе Спасителево къ покаянію.

Господи! мы каемся, мы говѣемъ и постимся и исповѣдуемъ грѣхи наши отцу нашему духовному; *да пріидетъ убо царствіе Твое*. Такъ могли бы мы отвѣтствовать зовущему Господу, если бы совѣсть наша не зазирала насъ. Но если бы сей часъ были мы позваны къ суду Божію; если бы врата смерти внезапу отворились предъ нами: не вострепещемъ ли мы? И успокоитъ ли насъ тогда наше мнимое покаяніе? Нѣтъ, слуш., поговѣть нѣсколько дней, и пересказать нѣсколько наружныхъ

грѣховъ, еще не значитъ покаяться. Наружное покаяніе тогда только имѣетъ цѣну, когда всѣмъ сердцемъ сокрушаемся о грѣхахъ нашихъ, когда возненавидимъ себя самихъ; когда въ самыхъ добродѣтеляхъ нашихъ начнемъ видѣть порочныя побужденія; когда не только нечистыхъ мыслей гнушаться будемъ, но и въ самыхъ невинныхъ размышленіяхъ и желаніяхъ усматривать суетность и тщеславіе. Не устами токмо и постомъ тѣлеснымъ, но сердцемъ должно покаяться. Когда гніетъ корень дерева, хотя зеленѣютъ вѣтви, отъ нѣкоторыхъ остатковъ жизни въ сучьяхъ, но скоро увянутъ и засохнутъ. Такъ и добрыя наши качества, рано или поздо, прекратятся, ежели сердце наше не очищено и не освящено Духомъ Святымъ. Мы часто жалуемся, что не можемъ обуздать нашихъ чувствъ, что языкъ своевольствуетъ, глаза разбѣгаются и плѣняются, уши любятъ бесѣды вредныя, звуки сладостные, и все тѣло ко грѣху стремится. Но чувства ли виноваты? Не сердце ли расплѣнное влечетъ чувства къ тому, что оно любитъ? Не одолѣемъ чувства, ежели не очистимъ сердца глубокимъ покаяніемъ, ежели не измоемъ душевной нечистоты горячими слезами,

и не изгонимъ грѣховнаго чада вздохами совершеннаго сокрушенія. Самое тѣлесное изнуреніе, сколь оно ни полезно, не поможетъ намъ, ежели не побѣдимъ грѣха, царствующаго въ нашемъ сердцѣ. Хотя бы ты отнялъ чувственныя орудія грѣха, хотя бы умертвилъ плотскую похоть, заградилъ очи и уши отъ всякаго соблазна, положилъ на уста печать молчанія: но ежели грѣхъ гнѣздится въ сердцѣ; то онъ раскроется въ другихъ видахъ, или въ корыстолюбіи, или въ зависти, или во гнѣвѣ и мщеніи, или во внутренней гордости и высокомъ о себѣ мнѣніи. Слѣдственно грѣхъ, изгнанный изъ чувствъ, будетъ не менѣе въ душѣ, и при всей наружной строгости, душа не будетъ подобна Богу. Посему-то Пророкъ вопіетъ: *Раздерите сердца ваша, а не ризы.* Сердечное покаяніе родитъ изъ себя и наружное покаяніе. Не устыдимся исповѣдать грѣхи, даже предъ всемъ свѣтомъ, когда возгнушаемся ими; польются ручьями слезы, когда поразитъ камень Моисейскій жезлъ-окаменѣвшую душу истинное покаяніе; исторгнутся вздохи за вздохами съ рыданіемъ и воплемъ, когда проникнемся чувствомъ Мытаря и сына блуднаго; не пойдетъ на мысль брашно

и питіе, когда совершенно почувствуемъ, что погибаемъ.

Любезная братія! мы погибаемъ, доколѣ не Богу работаемъ; мы погибаемъ, доколѣ грѣхъ любимъ. Что суть наши страсти, столько мятущія насъ и другихъ? Это суть горы огнедышущія, изрыгающія пламень изъ сердца нашего и являющія, что наше сердце держится во области огня адскаго. И если бы не милосердіе Божіе сохранило насъ для покаянія; мы бы давно погибли, ибо носимъ въ сердцѣ нашемъ погибель нашу.

Ужаснемся самихъ себя; возведемъ взоры сердечные къ Искупителю и глубоко воззовемъ: *Боже! милостивъ буди намъ грѣшнымъ.* Воззовемъ не единожды, но при каждой порочной мысли, при каждомъ нечистомъ желаніи. Господь не презритъ насъ, зовущихъ къ Нему; ходящій по волнамъ подастъ намъ руку; Распятый за насъ поможетъ намъ распинать наши страсти и похоти; Онъ готовъ устроить и въ тѣлахъ и въ душахъ нашихъ царство свое, только бы мы искренно рѣшились разрушить въ себѣ царство діавола. *Покайтеся, приближися бо царство небесное.* Аминь.

(Говорено въ Курскѣ.)

X.

СЛОВО

На день Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

Се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему. Лук. 1, 38.

Въ послѣдній разъ призываю на васъ миръ Божій; въ послѣдній разъ простираю къ вамъ слово благовѣстія. Можетъ быть по смерть не увижу васъ, и вы меня. Но увидимся въ вѣчности, когда предстанемъ и вы и я судищу Христову; когда праведный Судія потребуетъ отчета и отъ меня за васъ, и отъ васъ за меня. Увидимся въ вѣчности; — и далъ бы Господь, чтобы столько радостно было мое съ вами тогдашнее свиданіе, сколь болѣзненна сердцу моему настоящая разлука! Далъ бы Господь, чтобы четыре почти лѣта моего правленія Бѣлоградскою Паствою, а въ ней и вами, не оказались безплодны на судѣ Его праведномъ! . .

Онъ разсмотритъ, сколько и я сѣялъ для васъ духовнаго сѣмени, и чистое ли сѣялъ

сѣмя, и благовременно ли, и являлъ ли вамъ примѣръ духовнаго спѣянія въ себѣ самомъ. Онъ разсмотритъ, охотно ли вы принимали сѣмена сіи, старались ли соблюсти ихъ въ душѣ своей, да не расхитятъ птицы суетныхъ помысловъ, да не подавитъ терніе заботъ житейскихъ. Горе мнѣ, если я не со страхомъ Божіимъ сѣялъ! Горе вамъ, если не со страхомъ Божіимъ принимали вы сѣемое! Тогда свиданіе наше будетъ плачевное.

Въ послѣдній разъ вергу мрежу, въ послѣдній разъ простру слово, да обрѣту нѣкій плодъ въ васъ, и приложу хотя единъ златникъ на вѣсы правосудія Божія къ моему и вашему оправданію.

Настоящій праздникъ даетъ мнѣ слово, и слово важное и для меня въ настоящемъ моемъ положеніи, и для васъ въ ожиданіи будущаго, слово назидательное и для меня и для васъ на всю жизнь вашу, на всѣ случаи жизни. И такъ внушите въ сердца ваши сказанныя Ангелу слова благословенныя Дѣвы: *Се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему*. Будемъ, возлюбленніи, спасительныя сіи слова носить непрестанно

въ душѣ нашей. Примите ихъ отъ меня недостойнаго, какъ послѣднее завѣщаніе. Онѣ сохранятъ васъ въ самыя опасныя минуты унынія и отчаянія. Что съ тобою ни встрѣтится, какое зло ни постигнетъ тебя, все пріемли, яко изъ рукъ Божіихъ; ибо дѣйствительно все бываетъ по устроенію Божію. Пріими все кротко и скажи съ пречистою Дѣвою: *Се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему.*

Такъ утѣшаю я себя въ настоящемъ моемъ положеніи, въ горестной разлукѣ съ паствою, мнѣ любезнѣйшею: такъ утѣшайтесь и вы въ ожиданіи новаго Пастыря. Узналъ я паству мою, и радовался, что благословилъ меня Господь толь мирною паствою; я глашалъ овецъ, и овцы слышали гласъ мой. Теперь какое обрѣту стадо, не вѣмъ; какая предлежитъ мнѣ судьба, сокрыто. Но предаю себя въ волю Божію, и взываю къ Господу: се рабъ Господень, буди мнѣ по глаголу Твоему.

Такъ утѣшайтесь и вы, ожидая новаго Пастыря. Узнали вы меня, и я не забуду по гробъ мой вашей Христіанской любви, вашего постояннаго усердія. Еще не знае-

ше, кого и какого даруетъ вамъ Господь Пастыря. Но предайтесь въ волю Божію и воззовите къ Господу: се рабы Господни, буди намъ по глаголу Твоему. Предайтесь, и за преданность вашу дастъ вамъ Господь лучшаго Пастыря, по сердцу вашему.

Предавайтесь и во всю жизнь вашу, во всѣхъ случаяхъ, въ руки Божіи, какъ дѣти въ нѣдро матери, со всякою вѣрою, со всякимъ упованіемъ. Упованіе на Господа никогда не посрамитъ.

Ежели и люди почитаютъ за безчестіе себѣ выдать и не защитить тѣхъ, кои преданы имъ совершенно, и на однихъ ихъ надѣются: то Господь ли не постоитъ за славу свою, и не сохранитъ, какъ зѣницу ока, тѣхъ, кои себя всесовершенно Ему предали, и на Него въ величайшихъ опасностяхъ или затрудненіяхъ несомнѣнно уповаютъ? Напечатлѣйте глубоко въ душахъ вашихъ слова Матери Божіей: *Се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему*. Вотъ вамъ послѣднее мое завѣщаніе, послѣднее цѣлованіе!

Прочее молю васъ и прошу молиться о мнѣ. Я не забуду васъ въ моихъ молитвахъ.

Господи! сохрани обитель сію въ мирѣ, и исполни сердца ихъ страхомъ Твоимъ. Аминь.

(Говорено въ Бѣлоградскомъ Рождество — Богородицкомъ Монастырѣ, 1822-го года Марта 25-го дня.)

XI.

Радуйтеся! и паки реку: Радуйтеся!

Пріимите, добрыя, но скорбныя сердца! пріимите сіи слова отъ сердца, которое вѣруетъ, что добрые имѣютъ особенное право на радость, и что печаль есть достояніе злыхъ, и которое желаетъ, чтобы вы ежедневно становились лучше и радостнѣе.

Природа и Христіанство, Богъ и твореніе, Христосъ и Его Евангеліе, благодать и ея источникъ — Духъ Святый — все имѣетъ цѣлію, содѣлать насъ въ сей жизни добрыми и радостными, а *тамъ* въ полной мѣрѣ блаженными.

„Радуйтеся", взываетъ къ намъ небесная Истина устами св. Павла, „радуйтеся всегда въ Господѣ." Для того и поставилъ насъ Богъ на сей землѣ, и повелѣлъ прекрасному солнцу восходить надъ нами, для того и далъ намъ сердце, способное къ радости, разумъ, способный отличать истинную радость отъ ложной, и чувство для невидимыхъ, вѣчныхъ благъ, и слѣд. для

высочайшихъ радостей. Для того Сынъ Божій и сошелъ къ намъ въ образѣ человѣческомъ, дабы доставить намъ истинную радость. Для того Онъ и ходилъ по всюду благодѣтельствуя, дабы не только словомъ и примѣромъ показать чистыя основанія радости, но дѣломъ и силою разрушить несчастіе, и на его мѣстѣ утвердить истинное блаженство. Для того Онъ и обращался съ грѣшниками, т. е. съ такими людьми, которые лишились истинной радости и права на оную, дабы ввести въ домъ ихъ, и прежде всего въ ихъ сердце радость и блаженство. Для того и устроена на землѣ Церковь Христова, чтобъ быть не инымъ чѣмъ, какъ избраннымъ обществомъ людей добрыхъ и радостныхъ, чуждыхъ грѣха и неразлучной съ онымъ печали. Для того и установлены Христіанскія празднества, дабы мы посредствомъ ихъ могли находить потерянныя радости и изощрять притупленное грѣхомъ чувство духовнаго веселія.

И такъ, если Богъ и твореніе, Христосъ и Его Евангеліе, Церковь и ея празднества имѣютъ цѣлію наше нравственное улучшеніе и произтекающую изъ онаго радость;

то отъ чего же происходитъ, что столь мало людей достигаютъ прочной, постоянной радости? Отъ чего многіе изъ Христіанъ, даже изъ тѣхъ, которые не причастны грубыхъ пороковъ и крѣпко держатся пути Христова, не знаютъ, по видимому, истинной радости, и не только по видимому, но и дѣйствительно не знаютъ и не имѣютъ оной?

Одна изъ главныхъ причинъ сего *несчастія* есть слѣдующая: мы дѣти не знаемъ нашего Отца; мы братья не знаемъ нашего Брата, нашего Искупителя — Христа.

Большая часть людей не имѣютъ ревности содѣлаться истинно добрыми. Невѣріе въ утѣшительную истину, что все стремится къ лучшему, невѣріе во всеблагаго и всемогущаго Отца человѣковъ, наконецъ невѣріе въ Іисуса Христа — суть причиною ихъ безпокойствъ и недовольства, печали и томленія: для нѣкоторыхъ же одно только невѣдѣніе бываетъ причиною ихъ горестнаго состоянія. Симъ-то бѣдствующимъ братьямъ, я, при помощи Божіей хотѣлъ бы проложить путь къ душевному спокойствію и самодовольству.

Когда, желая побудить къ радости добрую, печальную душу, говорять ей: Богъ благъ, радуйся; — тогда мѣсто радости тотчасъ занимаетъ множество различныхъ сомнѣній и недоумѣній, которыя похищаютъ у сердца радость. Сіи-то сомнѣнія я хотѣлъ бы изгнать изъ сердецъ; дабы радость и спокойствіе получили свободный входъ въ оныя.

1. *Богъ благъ, но и правосуденъ: слѣдственно мы должны трепетать предъ Нимъ.*

Такъ, любезный другъ! по истинѣ правосуденъ Онъ. Но правосудіе Его не инымъ чѣмъ можетъ быть, какъ только святою, мудрою любовію къ добру, — любовію, которая ненавидитъ все злое и отвращается онаго.

Богъ есть любовь; — правосудная, святая, но все однакожъ любовь. Не сіе ли самое выражаетъ начало молитвы Господней? Если бы намъ должно было только трепетать предъ Нимъ; тогда Сынъ Божій научилъ бы насъ молиться иначе. Вмѣсто: *Отче нашъ*, надлежало бы говорить: О Ты,

страшнѣйшее изъ всѣхъ страшныхъ существъ! Ты, который наводишь и страхъ и ужасъ и удовольствіе свое находишь въ томъ, чтобъ мы трепетали предъ Тобою!

Названіе *Отецъ* есть почтеннѣйшее и вмѣстѣ любезнѣйшее изъ всѣхъ названій; бывъ прилагаемо къ Богу, сіе названіе въ совершеннѣйшемъ, высочайшемъ смыслѣ есть истинно; — и мы должны только трепетать предъ Богомъ? Дитя радуется, когда слышитъ имя *отецъ*; — и мы должны только трепетать предъ нашимъ Отцемъ? Нѣтъ, это значило бы поступать вопреки Духу Христову, Духу любви, который всѣхъ истинно вѣрующихъ научаетъ взывать съ истинно дѣтскимъ чувствомъ: *Авва Отче!* — Нѣтъ, это не справедливо; напротивъ все то, что Бога — высочайшее благо — представляетъ благимъ, исполненнымъ любви, что дѣлаетъ Его достойнѣйшимъ любви, все то истинно, или во всемъ мірѣ нѣтъ ничего истиннаго. А что представляетъ Бога только страшнымъ существомъ, которое находитъ удовольствіе въ томъ, чтобы устрашать насъ, это ложно, или во всемъ мірѣ нѣтъ ничего ложнаго.

И такъ первое недоумѣніе не должно дѣлать меня печальнымъ; ибо какъ отецъ

не перестаетъ быть достойнымъ любви потому, что онъ наказываетъ свое дитя: такъ и Богъ не перестаетъ быть предметомъ высочайшей любви потому только, что являетъ свое правосудіе. Ибо правосудіе Божіе есть также любовь, но любовь мудрая, которая наказуетъ для улучшенія, любовь святая, которая изгоняетъ зло и насаждаетъ добро. — Напротивъ правосудіе и дѣлаетъ Его по справедливости достойнымъ любви. Ибо если бы Богъ могъ быть только милосердымъ, а не вмѣстѣ и правосуднымъ; тогда своею благостію Онъ препятствовалъ бы успѣхамъ царства добродѣтели и блаженства, (которое однакожъ она хотѣла бы основать). Тогда Онъ награждалъ бы какъ злодѣя, такъ и друга добродѣтели, и тѣмъ самымъ, что не наказываетъ уклоненій отъ порядка, побуждалъ бы насъ къ безпорядкамъ.

Если бы Богъ былъ только благимъ, а не вмѣстѣ и правосуднымъ; тогда Онъ въ равномъ отношеніи находился бы къ утѣсняемой добродѣтели, какъ и торжествующему пороку; тогда невинность Авеля и братоубійство Каина, любовь Іоанна къ своему Учителю и измѣнническое лобзаніе

Іуды, покорносшь на кресшѣ умирающаго Іисуса и Мессіеубійсшво, были бы для Него равноцѣнны. Извергъ человѣчесшва былъ бы сшолько же добръ предъ Богомъ, какъ и другъ человѣковъ, кошорый охошно жершвуешъ своею жизнію для блага своихъ ближнихъ. Грубое распушсшво и шрудомъ пріобрѣшаемое цѣломудренное чувсшво предъ очами Чисшѣйшаго имѣли бы одинаковое досшоинсшво; повелѣнія и запрещенія уничшожились бы; разрушились бы всѣ законы природы, если бы Богъ былъ шолько благимъ, но не вмѣсшѣ и правосуднымъ. И чшо былъ бы міръ безъ законовъ, законы безъ наказанія? И чшо былъ бы законъ и наказаніе безъ правосудія? Слѣдсшвенно Богъ не былъ бы благимъ, исполненнымъ любви къ намъ, если бы благосшь Его не была благосшію правосудною, Его любовь — любовію справедливою. И шакъ, любящія Бога души! какъ мысль, чшо Богъ есшь чисшѣйшая любовь, совершеннѣйшая благосшь, не можешъ усшрашишь насъ; шакъ равно и мысль о правосудіи Божіемъ не должна приводишь насъ въ смяшеніе. Ибо правосудіе Божіе не иное чшо есшь, какъ совершеннѣйшая, свяшѣйшая любовь.

2. *Богъ благъ; но мы согрѣшили, слѣдственно должны трепетать предъ Его карающимъ правосудіемъ.*

Согрѣшили мы; но ужели грѣхъ сильнѣе отеческой Божіей любви къ намъ? Согрѣшили мы; но ужели отецъ перестаетъ быть отцемъ потому только, что его слабое дитя дѣлаетъ какую-либо погрѣшность? Согрѣшили мы; но не знаетъ ли Богъ, что мы слабыя твари, образованныя изъ праха? Не самъ ли Онъ создалъ насъ? Не превыше ли всѣхъ грѣховъ милосердіе Божіе? Ужели Всемилосердый не имѣетъ столько милосердія, чтобы прощать грѣхи каждому грѣшнику, съ вѣрою и надеждою умоляющему Его о помилованіи и желающему обратиться къ добру? Можетъ ли Богъ престать быть добрымъ, какъ скоро мы начинаемъ дѣлать зло? Не ниспослалъ ли Онъ къ намъ Сына своего, когда мы были грѣшниками? Отринетъ ли же Онъ насъ теперь отъ своего лица, когда кровь Его единороднаго Сына ходатайствуетъ за насъ? Нѣтъ, братія! имѣя твердую надежду на милосердіе Божіе, мы отнюдь не должны безмѣрно сѣтовать о грѣхахъ своихъ. Обладаемый страстями человѣкъ про-

щаетъ врагу своему, когда онъ проситъ у него прощенія, — и Богъ ли, который сотворилъ насъ, который искренно любитъ насъ, который изъ любви даровалъ намъ своего Возлюбленнѣйшаго, который весь есть любовь, — Богъ ли не отпуститъ намъ согрѣшеній нашихъ; когда мы съ сокрушеннымъ сердцемъ будемъ умолять Его о помилованіи, и покажемъ плоды достойные покаянія?

3. *Богъ благъ; но мы не можемъ знать, доволенъ ли Онъ нашимъ покаяніемъ: слѣдственно никогда не можемъ быть веселы.*

Другъ мой! не вводи себя въ заблужденіе сею мыслію: о томъ, какъ твое сердце расположено къ Богу, ты можешь имѣть сознаніе; а какъ отеческое сердце Божіе расположено къ тебѣ, въ разсужденіи сего ты можешь быть спокоенъ. Не желай знать болѣе, нежели сколько ты можешь знать; учись вѣровать, надѣяться, когда не можешь знать.

Повторяю: Нѣчто ты можешь знать; другаго можешь надѣяться, а въ большемъ не имѣешь нужды для своего спокойствія. Истинно ли твое покаяніе и исправленіе, объ этомъ ты можешь знать; а простилъ

ли тебѣ Богъ грѣхи, того ты долженъ надѣяться

Нѣчто ты можешь знать: я знаю, когда мнѣ хочется пить или спать, — и я не могу знать, имѣю ли истинное усердіе къ Богу? Я знаю, что я сего человѣка люблю болѣе, нежели кого-либо другаго, — и я не могу знать, любезнѣе ли грѣха для меня воля Божія, или нѣтъ? Я знаю, что я, когда на пр. гнѣвъ объемлетъ меня, оскорбляю брата моего моими словами; — и я не могу знать, удерживаю ли движенія гнѣва для Бога, или нѣтъ? Я знаю, когда грѣшу, — и я не могу знать, противостою ли я склонности ко грѣху, или нѣтъ? Смотря на часы, я легко могу узнать, на который часъ указываетъ стрѣлка, и не могу знать, на какіе предметы указываетъ мнѣ мое сердце? Я могу отличить черное отъ бѣлаго, — а исполненнаго раскаянія, сокрушеннаго, убѣгающаго грѣха сердца не могу отличить отъ сердца земнаго, любящаго грѣхъ и забывшаго Бога?

Цифры: 1, 2, 3 я могу отличить отъ суммы 1000, 2000, 3000; но при открывшемся случаѣ простираю ли руку ко грѣху, или отнимаю отъ него — сего я не могу отличить? Лѣтній зной я очень хорошо от-

лечаю отъ зимняго холода, а того не могу знать, холодно ли мое сердце къ Богу, или пламенѣетъ любовію къ Нему? Если я не могу быть увѣренъ, принесъ ли я должное покаяніе, то я не могу также знать и того, согрѣшилъ ли я; а если сего не могу знать, то для чего мнѣ приносить покаяніе? Сколько вѣрно я знаю то, поражаю ли мечемъ брата моего, или вливаю въ раны его елей; столько же вѣрно я знаю и то, люблю ли брата моего, или ненавижу, оплакиваю ли грѣхъ, или услаждаюсь имъ. Слѣдственно *нѣчто я могу знать.* Но если я могу знать, что мое сердце есть сердце сокрушенное, исполненное раскаянія; то смѣю надѣяться, что Богъ не отриметъ моего сокрушеннаго сердца. Ибо Богъ взираетъ на сердце; иначе Онъ не былъ бы Богомъ. Если я могу знать, что сердце мое болѣе любитъ волю Божію, нежели богатство, мірскія почести и удовольствія; то я смѣю надѣяться, что Богъ взираетъ на меня, какъ на дитя свое. Ибо Онъ любитъ любящаго Его. Если кто хочетъ знать, нѣтъ ли на пр. на лицѣ его черныхъ пятенъ; то онъ смотритъ въ зеркало, и зеркало сказываетъ ему о томъ. И если я желаю быть спокойнымъ, я смо-

шрю въ мою совѣсть, и моя совѣсть, озаренная Евангеліемъ, укрѣпленная духомъ Божіимъ, говоритъ мнѣ, чиста ли моя душа или нѣтъ. Если совѣсть моя не обличаетъ меня, то я взираю на Бога, хотя еще со стыдомъ и уничиженіемъ, однакожъ съ упованіемъ. Если же обличаетъ, то я смиряюсь предъ Господомъ, взываю къ Нему о помилованіи и не престаю упражнять себя въ вѣрѣ и покаяніи дотолѣ, доколѣ не могу опять съ упованіемъ взирать на Него.

Слѣдственно, нѣчто можетъ показать мнѣ моя совѣсть; а прочаго долженъ я надѣяться отъ милосердія Божія, и въ сей надеждѣ быть спокойнымъ; чегожъ мнѣ болѣе?

4. *На я не знаю также, не заблуждаетъ ли моя совѣсть; слѣдственно я никогда не могу и не долженъ быть спокоенъ.*

Сіе сомнѣніе столько же не справедливо какъ и прежнее. Ибо *во первыхъ*: Для насъ весьма важно то, если мы можемъ сказать сами себѣ: я надлежащимъ образомъ вопросилъ свою совѣсть, и моя совѣсть не обличаетъ меня.

Поелику Богъ далъ намъ совѣсть, какъ ближайшаго нашего законодателя, свидѣтеля и судію, то кто устоитъ предъ симъ законодателемъ, свидѣтелемъ и судіею? Кого не обличаетъ *правильно* вопрошенная совѣсть: тотъ уже стоитъ на твердомъ основаніи.

Совѣсть, какъ нѣкая пропись, раздѣлена между людьми, подобно тому, какъ учители своимъ ученикамъ раздаютъ прописи для чистописанія. Правдивый учитель не можетъ требовать болѣе того, чтобы мальчикъ писалъ сообразно съ прописью . . . . Если бы пропись дѣйствительно была не вполнѣ совершенна; то за сіе несовершенство прописи мальчикъ не долженъ былъ бы отвѣчать, развѣ только онъ самъ испортилъ бы ее. Такъ и отъ насъ требуется то, чтобы мы жили по предписанію Божію, — каждый согласно съ своею, правильнымъ образомъ вопрошаемою совѣстію. Дѣлай всегда то, что можешь, и Господь сдѣлаетъ то, чего мы не можемъ.

Посему перестаньте заниматься напрасными изслѣдованіями, и научитесь вопрошать ваше внутреннѣйшее. Съ спокой-

нымъ духомъ углубляйтесь въ самихъ себя и внимайте гласу совѣсти. Она есть нѣкій гласъ Божій въ васъ, который обвиняетъ или оправдываетъ, укоряетъ или одобряетъ, награждаетъ или наказываетъ, — и сему гласу мы должны вѣрить.

Если бы я имѣлъ дѣло съ людьми легкомысленными, тогда я сказалъ бы: благоговѣйте предъ симъ гласомъ, сохраняйте вашу совѣсть въ ея чистотѣ и цѣлости, или паче старайтесь очистить и просвѣтить свою совѣсть, помраченную грѣхами. Но поелику рѣчь моя относится къ добрымъ, печальнымъ душамъ; то я скажу только сіе: не возмущайте вашей совѣсти напрасными сомнѣніями, взирайте въ самихъ себя безбоязненнымъ окомъ, и если усматриваете доброе, брагодарите за то Бога, если же худое, улучшайте себя — и будьте спокойны.

Во — вторыхъ: Поелику и самая добрая совѣсть можетъ еще погрѣшать, и опасеніе возможнаго заблужденія ввергаетъ печальныя души изъ одной печали въ другую; то чаще повѣряйте оную Словомъ Божіимъ, притомъ найдите для себя, если можете, мудраго и благочестиваго друга —

совѣсти, и если онъ при извѣстномъ случаѣ скажетъ вамъ во имя Іисуса Христа: *Будьте спокойны*, то вѣрьте сему слову и въ молитвенномъ духѣ воззовите ко Христу: Вотъ я, бѣдный грѣшникъ; мой жребій въ десницѣ Твоей, моя совѣсть теперь не осуждаетъ меня, но Ты — Господь и Богъ мой, правосудный — Ты который болій сердца моего и вѣси вся, Ты самъ оправдай меня или обличи, да узрю нечистоту мою и омою оную слезами покаянія.

5. *Но моя совѣсть столь смущена, что кромѣ смущенія я ничего болѣе не могу видѣть въ ней: какъ же я могу быть веселымъ въ семъ состояніи смущенія?*

Слѣдственно, когда вода мутна, ты не долженъ еще возмущать ее тростію; иначе она будетъ еще мутнѣе. Ты не долженъ заниматься безполезными изслѣдываніями; твоя обязанность въ семъ случаѣ успокоивать себя и ожидать, когда вода сдѣлается свѣтлою, а между тѣмъ, какъ я сказалъ, слѣдовать, съ отреченіемъ своего собственнаго чувства, водительству Слова Божія и совѣтамъ мудраго друга твоей

совѣсти, который долженъ быть въ семъ состояніи твоимъ окомъ. Кромѣ сего для тебя нѣтъ инаго средства къ успокоенію.

6. *Но я не знаю, вписано ли имя мое въ книгу благодати и живота.*

Но тебѣ не нужно и знать сего. Какъ скоро будетъ безпокоить тебя мысль сія; то ты представь себѣ: „Въ книгу живота конечно я не могу проникнуть, но могу проникнуть въ книгу моего сердца. Если сія книга съ Богомъ составляетъ едино въ любви: то безъ сомнѣнія мое имя находится и въ той книгѣ. Слѣдственно мнѣ нѣтъ нужды знать, стоитъ ли имя мое въ оной, или нѣтъ: мнѣ нужно знать только то, имѣю ли я постоянное расположеніе исполнять волю Божію, по моимъ способностямъ и званію, или нѣтъ. Это я могу дѣлать, и знать, дѣлаю ли; и сего знанія достаточно къ тому, чтобъ быть мнѣ веселымъ. Доброе дитя не безпокоится долго тѣмъ, находится ли оно въ милости у своего добраго отца; ибо добрый отецъ не можетъ не любить свое доброе дитя.“ Слѣдственно о томъ мы должны заботиться, чтобъ быть добрыми

дѣтьми — прочее, любитъ ли Богъ своихъ дѣтей, есть безполезная забота. Онъ благій и мудрый Отецъ. — Притомъ: Думаете ли вы, что есть дѣйствительно какая нибудь большая книга, въ которую Богъ перомъ и чернилами вписываетъ имена своихъ избранныхъ, подобно тому, какъ мы замѣчаемъ въ записной книжкѣ расходъ и приходъ, дабы знать, въ какомъ состояніи находится наше хозяйство? Нѣтъ! это сказано только образовательно и по человѣчески. Богъ не имѣетъ нужды въ книгѣ, перѣ, чернилахъ и писцахъ; поелику Его всевѣдѣніе видитъ все, какъ оно есть, и ничего не забываетъ. Онъ знаетъ всѣхъ, прибѣгающихъ къ Нему, и Онъ влечетъ ихъ къ себѣ и хранитъ у себя. Онъ знаетъ всѣхъ избранныхъ и всѣхъ сыновъ погибели. Его всевѣдѣніе, Его святая воля, Его мудрая любовь — суть книга живота...... Слѣдственно, если мы любимъ нашего Отца, то намъ, какъ дѣтямъ Его, будетъ хорошо. — Но по какому — то своенравію люди рѣдко находятъ радость въ томъ, что они могутъ и должны знать, а любятъ заниматься тѣмъ, чего они не могутъ и не имѣютъ нужды знать. Что Богъ любитъ своихъ дѣтей и дѣлаетъ ихъ

вѣчно счастливыми, въ томъ мы не можемъ сомнѣваться; что мы дѣти Божіи, если имѣемъ Духа Божія, что мы Ему принадлежимъ, если имѣемъ на Него упованіе и волю Его любимъ болѣе собственной, того мы не можемъ отвергать. А сколь велико число избранныхъ, и находится ли въ ономъ тотъ или другой, того мы не можемъ и не имѣемъ нужды знать. Довольно того, что Его милосердіе безпредѣльно, и Его награды безконечны. И такъ повергнемся въ объятія безпредѣльнаго Его милосердія и будемъ мужественно проходить поприще борьбы, дабы содѣлаться участниками безконечныхъ наградъ.

7. *Не проникая въ книгу живота, я не знаю также, дѣйствительно ли я у Бога въ благодати?*

Прекрасно сказалъ на сіе одинъ учитель Церкви. „Не изслѣдывай, нравится ли душа твоя Богу, но нравится ли Богъ твоей душѣ."

Кто старается узнать о первомъ, тотъ ломаетъ себѣ голову надъ такимъ таинствомъ, которое превыше ума его. Кто

размышляетъ о второмъ, тотъ въ собственномъ своемъ домѣ — въ своемъ сердцѣ можетъ найти искомое.

Если дѣла твои свидѣтельствуютъ тебѣ, что Богъ тебѣ нравится болѣе, нежели всѣ блага міра, если ты дѣйствительно преодолѣлъ различныя побужденія ко грѣху, если твоя совѣсть на первый вопросъ отвѣтствуетъ утѣшительнымъ подтвержденіемъ: то ты можешь быть совершенно спокоенъ и въ разсужденіи разрѣшенія втораго вопроса. Ибо если Богъ нравится тебѣ болѣе всего, то ты не можешь сомнѣваться, что и ты нравишься Ему.

Бѣдные люди! вы хотите взойти на небо и читать въ совѣтѣ Божіемъ, — и не читаете того, что написано въ сердцахъ вашихъ, что находится предъ вашими глазами. Вы надрываете сердца свои надъ такими вещами, которыхъ не можете видѣть, и которыя смѣло можете и должны предоставить вашему Господу, — и не видите того, что происходитъ въ вашемъ внутреннемъ; — вы оставляете твердую точку въ себѣ, и носитесь внѣ себя въ воздухѣ. Что прежде я сказалъ, можно ска-

зать и теперь: одно вы можете знать, другаго должны надѣяться.

Если я по опыту знаю, что я волю Божію поставляю превыше всего земнаго; то я не могу болѣе сомнѣваться, смѣю надѣяться, что я у Бога въ благодати. Рожденный отъ Бога любитъ своего брата.....Слѣдовательно, если сердце мое говоритъ мнѣ, что я люблю ближняго моего, какъ самаго себя, то могу надѣяться, что Богъ благоволитъ ко мнѣ.

Что благодать Божія въ Богѣ, сіе предоставимъ исполненному любви Богу; а что она въ насъ, сіе, по свидѣтельству Св. Писанія, ясно, какъ солнце. Благодать Божія есть то, что дѣлаетъ насъ добрыми, благосклонными, терпѣливыми, дружественными, миролюбивыми, смиренными, цѣломудренными и благочестивыми.

Благодать Божія подобна сокровенной силѣ дерева. Доброе или худое дерево, добрые или худые плоды приноситъ, это я узнаю самымъ точнымъ образомъ изъ самыхъ плодовъ. Если плодъ хорошъ, что каждый легко можетъ узнать: то я смѣло

могу сказать, что и дерево, которое добрые плоды приносить, должно быть также хорошо. Тоже самое бываетъ и съ благодатiю. Безъ сомнѣнiя мы не можемъ видѣть ее тѣлесными очами, ни слышать тѣлесными ушами, равно какъ и существа дерева. Но добрыя расположенiя, благочестивыя желанiя, благородные поступки — сiи плоды благодати мы весьма легко можемъ познать, если только искренно вопросимъ наше сердце. И такъ если мы примѣчаемъ въ себѣ плоды благодати, то смѣло можемъ сказать: каковы плоды, таково и дерево; гдѣ плоды благодати, тамъ и благодать. Сверхъ сего, плоды благодати столь же легко можно отличить отъ плодовъ страсти, сколь легко я отличаю изсохшее, безплодное дерево отъ здороваго, покрытаго прекрасными листьями и обремененнаго плодами. Сiи плоды благодати Апостолъ Павелъ называетъ ихъ именами: любовь, радость, миръ, снисхожденiе, дружелюбiе, благость, долготерпѣнiе, кротость, вѣра, воздержанiе, цѣломудрiе, чистота.

Я думаю, что сiи прекрасные плоды столь же легко можно отличить отъ ненависти, печали, несогласiя, непрiязни, мще-

нія, малодушія, невоздержанія, невѣрія, нецѣломудрія, какъ день отъ ночи. И такъ смотри на плоды: и если они хороши, то не ломай головы надъ тѣмъ, такова ли и сила, ихъ произведшая.

8. *Но сіе самое, чего требуетъ Апостолъ, должно снова содѣлать человѣка безпокойнымъ. Кто можетъ достигнуть того, чтобы видѣть въ себѣ сіи прекрасные плоды благодати созрѣвающими?*

Не смущайтесь, любезные друзья, тѣмъ, чему быть непремѣнно должно; должно быть разстояніе отъ цвѣта дерева до зрѣлаго плода, и цвѣтъ непремѣнно долженъ предупреждать плодъ. Такъ въ порядкѣ природы: такъ и въ благодатной жизни. Не въ одно мгновеніе созрѣваетъ плодъ, не въ одно мгновеніе достигаетъ зрѣлости и добродѣтель человѣческая. Ахъ! и благочестивый часто колеблется, часто спотыкается, часто падаетъ. Но если онъ опять возстаетъ и чрезъ паденіе и возстаніе становится мудрѣе и крѣпче, нежели какъ былъ прежде; то чемъ вредитъ ему сіе паденіе? Безъ сомнѣнія не должно падать для того, чтобы можно было встать, но если случи-

лось упасть, то не должно оставаться въ паденіи, или отчаяваться въ благодати Божіей. Повѣрьте, что и самое паденіе можетъ содѣлаться степенію восхожденія къ Богу, если только захотите. Не смущайтесь тѣмъ, что ваша добродѣтель, по видимому, медленно возрастаетъ. Только имѣйте всегда бодрый духъ, и не останавливайтесь: и вы вѣрно, въ короткое время, простретесь далѣе, нежели какъ думаете. Безчисленныя степени отъ начала до совершенія не должны также приводить васъ въ малодушіе. Ибо какъ цвѣтъ, такъ и зрѣлость плода отъ Бога. И какъ цвѣтъ и зрѣлость, такъ и все продолженіе возрастанія отъ цвѣта до плода также отъ Бога. Только имѣйте бодрость и старайтесь о томъ, чтобы вамъ, при помощи Божіей, силою Іисуса Христа и въ Его училищѣ содѣлаться добрыми и святыми.

Только мужественнѣе сражайтесь съ лѣностію и малодушіемъ, съ самолюбіемъ, плотію и кровію. Только не предавайтесь мрачной мысли: *я болѣе не могу успѣть.* Только съ новымъ упованіемъ молитесь и съ новою ревностію трудитесь. Только благодарите Бога за все доброе, и при вся-

комъ недостаткѣ, который замѣтите въ себѣ, умиляйтесь сердцемъ; только глубоко, и непрестанно глубже укореняйтесь въ ненадѣяніи на самихъ себя и уповаліи на Бога, — и вы достигнете твердой, несомнѣнной увѣренности, что Богъ есть вашъ Отецъ и вы Его добрыя дѣти. И сія увѣренность подастъ вамъ новую жизнь, новую бодрость — непрестанно болѣе очищать свое сердце, и такимъ образомъ вы будете восходить отъ добродѣтели къ добродѣтели, отъ силы къ силѣ, доколѣ любовь и радость, вѣра и миръ, кротость и смиреніе, воздержаніе и цѣломудріе, снисхожденіе и долготерпѣніе не содѣлаются въ васъ зрѣлыми плодами.

Не ожидайте того отъ дня, что могутъ дать только годы. Но и не забывайте, что годы состоятъ изъ дней, и не опускайте ни одного дня, не сдѣлавши въ оный чего либо полезнаго. Будьте дѣятельны и веселы, будьте бодры и бдительны. Благодарите за свѣтъ нынѣшняго дня и радуйтесь завтрешнему, и вы безопасно достигнете цѣли.

9. *Весь родъ человѣческій очень глубоко низпалъ и носитъ на себѣ явственную пе-*

чать грѣха, поврежденія; какимъ же образомъ можетъ кто либо надѣяться, что онъ одинъ совершилъ путь возвращенія къ Богу, тогда какъ отпаденіе отъ Бога столь всеобще, возвращеніе къ Нему столь рѣдко; тогда какъ самолюбіе, которое во всемъ обольщаетъ насъ, весьма легко можетъ обмануть насъ и въ дѣлѣ нашего обращенія къ Богу?

Благородныя души! я не хочу содѣлать васъ легкомысленными; только скорбь, совершенно безполезную скорбь, хотѣлъ бы я изгнать изъ сердецъ вашихъ. Я не хочу содѣлать васъ легковѣрными въ самомъ важнѣйшемъ дѣлѣ; хотѣлъ бы только предостеречь васъ отъ страха и трепета тамъ, гдѣ должно приложить одно стараніе, отъ печали тамъ, гдѣ должно благодарить. Я не хочу вселять въ васъ ложную безпечность; хотѣлъ бы только избавить васъ отъ безпокойства, которое не дѣлаетъ васъ лучшими, которое не имѣетъ никакого основанія и даже ослабляетъ силу добродѣтели.

Безъ сомнѣнія, родъ человѣческій находится въ глубокомъ поврежденіи; отпаде-

ніе отъ Бога, къ несчастію, всеобще, истинное обращеніе къ Нему рѣдко; справедливо и то, что люди въ важнѣйшемъ дѣлѣ спасенія, въ томъ, что называется покаяніемъ и обращеніемъ къ праведности, большею частію обольщаются собственнымъ или чужимъ самолюбіемъ, собственнымъ или чужимъ нерадѣніемъ, собственнымъ или чужимъ невѣдѣніемъ.

Но сколько справедливо все сіе, столько же несомнѣнно и то, что Богъ, отъ котораго люди отпали, хочетъ опять соединить ихъ съ собою и себя съ ними; Богъ, который видитъ заблудшихъ сыновъ своихъ внѣ своего дома истаевающихъ отъ бѣдности, хочетъ опять принять ихъ въ домъ свой; Богъ, который требуетъ отъ заблуждающихъ обращенія и возвращенія въ свои объятія, самъ простираетъ къ нимъ свои объятія, самъ идетъ къ нимъ навстрѣчу, можетъ простить, и хочетъ забыть всю неблагодарность и непокорность; Богъ, который требуетъ сердца человѣческаго, можетъ и наполнить оное, и хочетъ наполнить прежде любовію и миромъ, а потомъ блаженствомъ; Богъ, для котораго самая пріятнѣйшая жертва есть сокрушен-

ное, исполненное раскаянія сердце, тающая слеза покаянія, можетъ осушить сію слезу, очистить, утѣшить и укрѣпить сіе сердце; Богъ, который требуетъ отъ друговъ своихъ поклоненія духомъ, хочетъ имъ даровать и миръ, превосходящій всякое разумѣніе, хочетъ преизбыточествующею радостію, которую благость Его изливаетъ въ сердце человѣка, показать, что служеніе, соединенное со скорбію, Ему не пріятно; Богъ, который есть самая любовь, преимущественно являетъ сію любовь къ грѣшникамъ, повергающимся въ Его объятія; Богъ, который Сына своего предалъ за грѣшниковъ, не хочетъ отринуть учениковъ и друговъ своего Сына; Богъ, который требуетъ совершеннаго улучшенія мыслей и поступковъ, хочетъ даровать нужную для сего силу и силу превозмогающую; Богъ, который хочетъ, чтобы заблудшіе совершили путь обращенія къ Нему, съ благоволеніемъ призираетъ и на тѣхъ, кои только вступили на оный, и своею десницею ведетъ ихъ далѣе, если только они даютъ Ему вести себя, и посылаетъ имъ побужденіе къ совершенію, руководитъ ихъ къ цѣли, и самъ увѣнчиваетъ ихъ, если только они не отвергаютъ руки Его.

10. *Но пусть такъ, что я могъ бы успокоить себя касательно прошедшаго и настоящаго; но я не знаю, не оставитъ ли меня Богъ въ послѣднюю минуту моей жизни.*

Богъ меня оставитъ? свое твореніе оставитъ? Оставитъ въ послѣднюю минуту? О, это хула на Бога! Слово *оставить*, взятое въ строгомъ смыслѣ, можетъ годиться только въ отношеніи къ какому нибудь ложному или слабому другу, но, безъ сомнѣнія, не къ Богу — высочайшей любви. Онъ хочетъ, чтобы я содѣлался блаженнымъ, и Онъ меня оставитъ? Оставитъ въ ту самую минуту, когда я особенно имѣю нужду въ Его помощи? Нѣтъ. Мать, какъ сказано у Исаіи, не можетъ забыть дитяти своего; но если и мать забудетъ дитя свое, то Богъ не можетъ забыть насъ: и Богъ меня оставитъ? Іисусъ Христосъ меня оставитъ? Онъ умеръ за меня, и Онъ оставитъ меня въ минуты смерти? Савла, который въ слѣпотѣ своей поносилъ Его, Онъ просвѣтилъ свѣтомъ своей благодати, — и меня — вѣрующаго въ Него, надѣющагося на Него — Онъ оставитъ? Распятаго съ Нимъ разбойника Онъ взялъ съ собою въ рай;

и меня, одного изъ учениковъ своихъ, которые вѣруютъ въ Него, надѣются на Него и исполняютъ Его волю, Онъ отринетъ отъ себя? Нѣтъ! сего не можетъ сдѣлать Іисусъ Христосъ. —

Христосъ меня оставитъ? Онъ стоитъ у дверей и стучитъ, и ничего не хочетъ, какъ только того, чтобы сіи двери отверзлись для Него. Сія Любовь не можетъ оставить меня сирымъ, когда я все сердце мое открываю предъ Нею. Изъ источника свѣта что другое можетъ истекать въ открытое око, кромѣ свѣта.

Я, я могу оставить сію Любовь, хотя бы Она и обѣ руки простирала ко мнѣ; ибо я прахъ и проданъ подъ грѣхъ. Но меня не можетъ оставить сія Любовь — когда я обѣ руки простираю къ Ней.

Если какой нибудь странникъ закрываетъ глаза свои отъ свѣтящаго солнца, или скрывается отъ онаго въ темную комнату, то конечно не льзя сказать, что солнце оставило сего странника, но что странникъ не далъ солнцу свѣтить ему. Подобнымъ образомъ не человѣкъ оставляется Богомъ, но Богъ оставляется человѣкомъ.

11. *Такъ, но Богъ есть Господь; Онъ можетъ дѣлать, что хочетъ.*

Слѣдственно можетъ и оставить того, который всѣмъ сердцемъ преданъ Ему? Онъ мой Господь; но сей Господь мой есть мой Отецъ. Онъ можетъ дѣлать, что хочетъ; но Онъ ничего не хочетъ, кромѣ только истинно добраго и достойнаго Его благости. Онъ мой Господь, но не своекорыстный, своенравный, мстительный и жестокій. Онъ господствуетъ надо мною, но только для того, чтобы содѣлать меня добрымъ и блаженнымъ. Онъ господствуетъ надо мною; потому что я и слѣпъ и слабъ, и безъ Его водительства не могу управлять собою; — потому что безъ Его господства столь же мало могу содѣлаться добрымъ и блаженнымъ, сколь мало могу жить безъ Его творческаго всемогущества. Онъ имѣетъ скипетръ, но сей скипетръ есть любовь. Онъ имѣетъ повелѣнія, но всѣ Его повелѣнія составляютъ только одно, и сіе одно есть любовь. И предъ симъ Господомъ, коего все господствованіе состоитъ въ любви, я долженъ только трепетать?

12. *Но все зависитъ отъ послѣдней минуты, — и можетъ быть я отпаду отъ вѣры въ Бога въ послѣднюю минуту — и тогда все тщетно. Если Богъ меня и не оставитъ, то можетъ случиться, что я оставлю Его.*

О существо, исполненное скорби! — Еще новое, совсѣмъ неумѣстное безпокойство! Пользуйся должнымъ образомъ тою минутою, которую ты имѣешь, и не безпокой себя тою, которой еще нѣтъ. Старайся только теперь, сколько возможно, преклонять себя на правую сторону — къ добродѣтели, доколѣ ты властенъ надъ собою, и въ послѣднюю минуту ты уже не возможешь преклониться на лѣвую сторону. Послѣдняя минута есть отголосокъ прошедшей жизни. . . . И такъ будь вѣренъ во время жизни, — и ты пребудешь таковымъ и при смерти . . . . Подвизайся, доколѣ ты здоровъ, и ты не изнеможешь и во время болѣзни. Сражайся во время жизни, и ты останешься побѣдителемъ въ минуты смерти. Дѣлай, что можешь, а все прочее предоставь Богу который сдѣлаетъ, чего мы не можемъ. Старайся только о томъ, чтобы тебѣ се-

го дня богоугоднымъ образомъ молиться, трудиться, страдать. . . . . И если доживешь до завтрешняго дня, дѣлай тоже. Но, доколѣ онъ еще не насталъ, будь совершенно спокоенъ въ разсужденіи его.

Живи сего дня, какъ должно, а завтрешній день, который еще не насталъ, пусть самъ печется о себѣ. Вотъ, — чего еще нѣтъ, то безпокоитъ тебя; а что уже есть, то не научаетъ, не укрѣпляетъ, не радуетъ тебя!

13. *Но, такъ много горестей случается съ нами, что, кажется, Богъ забылъ насъ.*

Это только кажется такъ, возлюбленные! . . . . Не одинъ человѣкъ не испыталъ столько горестей въ жизни, какъ Іисусъ Христосъ; и ни къ кому изъ людей не благоволилъ столько Отецъ Небесный, какъ къ Нему. Онъ былъ возлюбленнѣйшій Божій — и многострадальнѣйшій, и что было со Іисусомъ Христомъ, то и со всѣми Святыми. Тѣ, которые болѣе другихъ были подобны Ему, тѣ болѣе должны были и пострадать. Кто изобразитъ страданія Его Матери, которыя, подобно мечу, пронзили ея сердце, когда она увидѣла Его

умирающимъ на крестѣ. И ужели она въ сей горькій часъ страданій не была болѣе Богоблагодатною, избранною? Ужели она въ часъ смерти Іисуса была менѣе Богоугодною рабою Господа, нежели каковою была въ тотъ священный часъ радости, когда Слово стало въ ней плотію? Ужели Павелъ въ тѣснотѣ своихъ страданій былъ болѣе неизбраннымъ сосудомъ Господа? Ужели Іоаннъ, въ Патмосѣ, какъ участникъ скорбей Іисусовыхъ, не былъ болѣе возлюбленнымъ ученикомъ Господа?

Слѣдственно самыя лучшія, подобнѣйшія Христу души и должны испить самую горчайшую чашу, должны и въ страданіяхъ уподобиться Ему — великому Вождю на пути страданій. —

Сего мы никогда не должны забывать: Павелъ, Петръ, Іоаннъ, Марія были самыми ближайшими родственниками Іисусу Христу по духу, и сіи ближайшіе Его родственники долженствовали быть самыми ближайшими Ему и въ перенесеніи несчастій. Слѣдственно мы не должны приходить въ уныніе, потому только, что много должны бываемъ страдать.

14. *Хотя бы я и могъ быть въ разсужденіи себя спокойнымъ, но во всемъ мірѣ такъ много зла, такъ много грѣховъ. — Кто же не долженъ быть печальнымъ?*

Друзья! мы не должны управлять міромъ. Богъ правитъ имъ; Онъ можетъ и изъ самаго зла извлечь доброе. Если Богъ можетъ терпѣть сіе, то и мы должны терпѣть, чему не можемъ воспрепятствовать, должны безмолствовать, и вѣрить, что Онъ все устроитъ хорошо. Только бы каждый изъ насъ спасалъ свою душу, молился за другихъ, и дѣлалъ, что могъ и долженъ былъ — прочее мы должны предоставить Богу. Онъ совершитъ сіе. Мудрость Божія премудрѣе нашего ума, любовь Божія любообильнѣе нашего сердца, и всемогущество Божіе могущественнѣе нашей руки, — посему да управляетъ Онъ, Онъ есть Господь.

Господи! совершай дѣло Твое, управляй Твоимъ царствомъ, — Ты Царь и Отецъ нашъ, а мы твои люди. —

Подписка на Христіанское Чтеніе принимается въ Правленіи Санктпетербургской Духовной Академіи, у книгопродавцевъ: Свѣшникова, Смирдина и Заикина, въ Газетной Экспедиціи Санктпетербургскаго Почтамта и во всѣхъ вообще Духовныхъ Училищныхъ Правленіяхъ. Цѣна за годовое изданіе, то есть, 12 книжекъ, здѣсь въ Санктпетербургѣ 20 рублей, съ доставленіемъ на домъ 23 рубля, съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 25 рублей.

Въ сихъ же мѣстахъ продается книга въ четырехъ частяхъ подъ названіемъ: Нѣкоторыя Упражненія Студентовъ С. Петербургской Духовной Академіи шестаго учебнаго курса. Цѣна четыремъ частямъ 15 руб. Иногородные прилагаютъ вѣсовыхъ за пересылку пяти фунтовъ.

———

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.